С. Ермаков, Д. Гаврилов
Время богов
и время людей
Основы славянского языческого календаря

Дмитрий Анатольевич Гаврилов
Станислав Эдуардович Ермаков

Время богов и время людей. Основы славянского языческого календаря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=600765
Д.Гаврилов, С.Ермаков. Время богов и время людей. Основы славянского языческого календаря: Ганга; Москва; 2009
ISBN 978-5-98882-088-8

Аннотация

Опираясь на обширный исторический, этнографический и естественнонаучный материал, авторы предлагают свое видение восточнославянского языческого календаря через призму традиционного миропонимания в целом. Это дает возможность, сохраняя научный подход, по-новому осмыслить годовой круг. Особое внимание уделено пониманию значимости календарных событий для психологического и психофизического состояния современного человека, в первую очередь горожанина.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

Содержание

Вступление 4
Глава 1 5
Источники и методы 8
Жители городов и традиционный календарь 9
Глава 2 13
Священное время, или Время Богов 13
Время мирское, или линейное 21
Отступление. Историческая память и традиция[8] 24
Глава 3 26
Соседи и предшественники 26
Годовой круг земледельцев 34
Календарь и мифологическое сознание 38
Славянский языческий месяцеслов 41
Народные приметы и годовой круг 43
Что такое праздник? 44
Какие бывают праздники 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Время богов и время людей. Основы славянского языческого календаря

Вступление

Timeo danaos et dona ferentes[1].
Гомер

Появление этой книги в том виде, как она есть, вызвано целым рядом обстоятельств. Не последнее место в их перечне занимает то, что традиционные языческие календари восточных славян на протяжении ряда лет все чаще становятся объектом сомнительных спекуляций, авторы которых показывают не столько стремление восстановить древнейшие основы годового круга, сколько продвинуть свои личные идеи и убеждения. Часть таких идей и убеждений может вызвать лишь уважение, но порою, как говорится, «чем дальше в лес, тем больше дров». И вот тогда место спокойных исследований на прилавках книжных магазинах занимают фантазии и откровенные подделки. Кроме того, современные священные языческие календари в любом случае будут отличаться от бытовавших в прошлом – хотя бы в силу изменившихся условий человеческого бытия.

Мы не ставим задачу разоблачать их, позволяя себе порою лишь высказать сомнение в правомочности отдельных распространенных выводов, которые после внимательного знакомства с источниками воспринимаются не иначе как заблуждения.

Мы стремились показать языческий календарь через призму языческого миропонимания в целом, с опорой на научные факты и свидетельства. Взятые в рамках целостного подхода, обе составляющих, на наш взгляд, дают возможность несколько по-новому осмыслить традиционный годовой круг. А значит, понять, как и зачем нужен он нам сегодня.

[1] Бойся данайцев, даже приносящих дары (лат.)

Глава 1
Человек и календарь

...Особенностью славянской народной духовной культуры вообще и славянского язычества в частности, во многом отличающей их свойства от свойств культуры материальной, является способность духовной культуры эволюционировать и обогащаться по принципу сюжета русской народной сказки: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» – то есть развиваться и пополняться новым, не отказываясь от старого. Новое вытесняет старое лишь частично, фрагментарно, сосуществует с ним, прибавляется к нему, дополняет его.

Н. И. Толстой

Древнегреческий историк Геродот полагал, что развитие народа и ход исторических событий подчиняются природным условиям. Так же считали видные русские ученые Соловьев и Ключевский. Уклад и образ жизни человека древнего общества – земледельца, охотника, промысловика теснейшим образом увязаны с природными ритмами. Именно повторяющиеся природные события во многом определяют как виды хозяйственных работ, которыми необходимо заниматься, так и направление, в котором следует прилагать усилия в ту или иную пору года. Это – одно из условий выживания.

Чередование времен года, осмысленное как нечто, исходящее от высших существ – стихий, духов, богов, приводит к появлению одного из самых интересных и значимых явлений духовного наследия человечества в целом, к священному календарю.

Календарем принято называть *основанную на периодичности явлений природы систему счисления продолжительных промежутков времени с разбиением их на более краткие периоды: тысячелетия, века, годы, месяцы, недели и дни.*

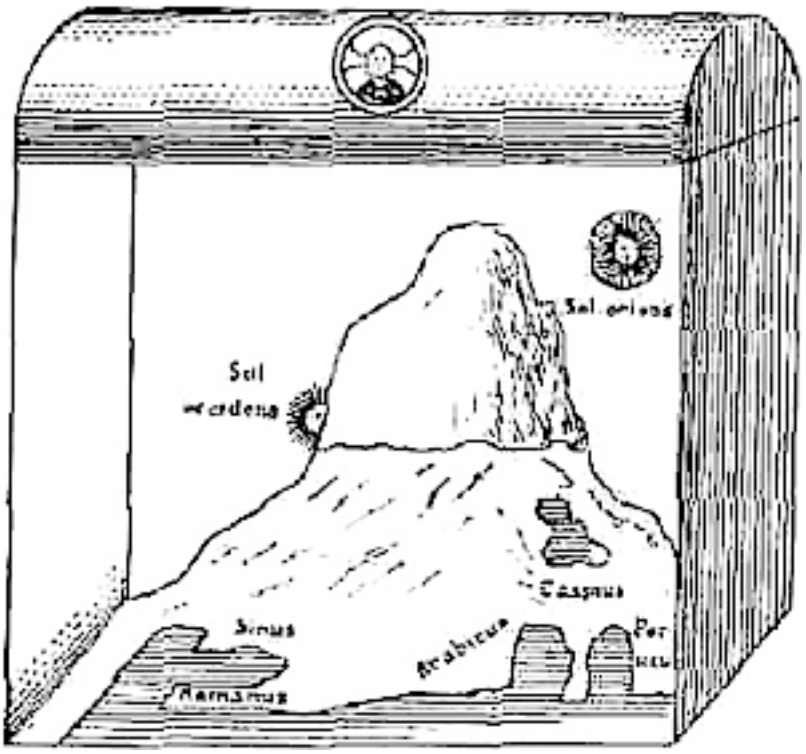
Священный календарь – а изначально он *не мог быть никаким иным* – это система описания хода времени через миф, через деяния богов и общекосмогонические представления.

Первые календари появляются еще в верхнем палеолите. На клыке мамонта с насечками, найденном близ поселка Гонцы (Украина) изображены изменения фаз Луны на протяжении четырех месяцев. Датируют эту одну из первых попыток счета времени в 15 000–10 000 годами до н. э.

У реки Десны близ Чернигова на палеолитической стоянке Мезин обнаружены браслеты из бивня мамонта. На одном из них, сделанном из пяти прилегающих одна к другой пластин, в виде узора расположены группы одинаковых коротких параллельных прямых линий, направление которых в каждой группе меняется на 90 градусов. Из 24 уцелевших групп 17 содержат по 14 черточек, 3 – по 13 и 4 – по 15. Всего на пяти пластинках насчитывается примерно удвоенное число дней (надо думать, дней и ночей, суток) в десяти лунных месяцах – около 280 суток. Американский исследователь А. Маршак нашел похожие группы царапин и на древнем оружии, которое кроманьонский человек использовал еще за тридцать тысячелетий до наших дней.

В среднем каменном веке (мезолите) календарь продолжает совершенствоваться: вместо системы насечек неизвестный художник примерно в VII тысячелетий до н. э. тщательно зарисовал изменение фаз Луны в течение полного цикла в пещере Канчал-де-Моама (Испания). Таким образом, идея счета времени восходит к чрезвычайно древним временам. Это не случайно, ибо умение отслеживать временные изменения в окружающем мире объективно

необходимо. В конечном счете, такая необходимость и послужила одной из предпосылок к тому, чтобы человек еще на заре своего развития начал создавать календарь, то есть вести счет дням, месяцам и годам, постигать последовательность смены времен года. Причина не единственная, но немаловажная.



Лунный календарь каменного века (по Н. И. Моисеевой, 19 91)

Как уже было сказано, природные ритмы важны не только земледельцу, охотнику и скотоводу. Природные ритмы в немалой степени определяют ритмы биологические. Вопрос требует должного уровня знаний, подготовки.

Воздержимся от споров, насколько именно важны биологические ритмы. Разве современный горожанин не реагирует на наступление дня или начало ночи? Да нет, реагирует… только, быть может, сам того не замечает. И вовсе не потому, что завтра ему необходимо идти на работу к определенному часу. Зависимость состояния человека от фаз Луны общеизвестна. Хорошо известно и то, что в «переходные» сезоны, весной и осенью, обостряются психические и хронические заболевания. А чего стоят предупреждения о влиянии на здоровье человека солнечной активности, которая – заметьте! – также подчинена своим ритмам. Их называют *биологическими*.

Биологические ритмы (биоритмы) – циклические колебания интенсивности и характера биологических процессов и явлений. Одни биологические ритмы относительно самостоятельны (например, частота сокращений сердца, дыхания), другие связаны с приспособлением организмов к геофизическим циклам – суточным (колебания интенсивности деления клеток, обмена веществ, двигательной активности животных и т. д.), приливным (биологические процессы у организмов, связанные с уровнем морских приливов, и т. д.), годичным (изменение численности и активности животных, роста и развития растений и др.).

Этому вопросу посвящено множество исследований – от глубоко научных до популярных и крайне сомнительных по качеству. Из последних серьезных и широких по охвату трудов назовем, пожалуй, фундаментальную монографию О. Д. Волчек (2006), к которой еще не раз предстоит обратиться.

Но календарь – не только и не столько система счисления больших промежутков времени, основанная на периодичности видимых движений небесных тел. Важно, что он есть плод социальной деятельности людей, вернее, человеческого сообщества во времени (а в известном смысле и в пространстве).

Для нас с точки зрения постижения традиционного календаря еще более важно, что календарь – это воплощенный многовековой обычай. Образно говоря, он – записная книжка народной памяти, почти не подлежащая изменениям сущностным, хотя и подверженная изменениям внешним, в том числе и умышленным, «идеологическим». Именно через календарь и календарную обрядность мы можем проследить, понять, а зачастую и восстановить утраченные и почти забытые представления веков расцвета язычества.

Источники и методы

Если мы ставим перед собою задачу восстановить – пусть хотя бы в самых общих чертах – вероятное устройство и смысл календаря дохристианской эпохи, а тем более предложить заинтересованным людям принцип построения со временного языческого календаря, нам следует договорить об источниках и приемлемых способах такого восстановления.

С нашей точки зрения, **основой такой работы должно стать присущее традиционным культурам представление о священном и мирском времени.** Его значение и роль подробно рассмотрены известным историком религий М. Элиаде (Элиаде, 2000). На основе сходных подходов смысловая и мифологическая основа священного и мирского времени неоднократно рассмотрена в ряде работ и нами (Ермаков, Резунков, 2003; Ермаков, 2005; Ермаков, 2006а, б; Гаврилов, Ермаков, 2008). Здесь нам также придется затронуть некоторые стороны этого представления. Священное и мирское время с точки зрения человека древнего общества есть не просто два разных периода, это, если угодно, две параллельные реальности, два сосуществующих и взаимопроникающих мира, человеческий и божественный. И бытие каждого из них определяется ходом, движением его времени.

На второе по значимости место можно поставить **сравнительно-аналитический метод**. Славяне, относящиеся к индоевропейской языковой группе, сохранили немало черт сходства с ними – в том числе и в календарных системах. Есть смысл сравнивать и календари народов, имевших похожие условия проживания, а в более широком контексте – обращаться к обычаям других этносов, не обязательно индоевропейских, если будет показано, что традиционные системы счета времени имеют общую основу.

К объективным основаниям реконструкции, несомненно, следует отнести космические факторы: движение Солнца по небосводу, изменения положения звезд, вращение Земли вокруг Солнца и движение Луны вокруг Земли. Вне зависимости от того, как именно **объясняли** эти явления наши предки, ритмы, которые задавали астральные объекты, становились основой календаря.

Однако, поскольку представления о ходе и смысле священного времени, о событиях, связанных с ним в мифе, относятся к нематериальному культурному наследию[2], исторические свидетельства, а также данные археологии и археоастрономии могут быть использованы нами лишь в качестве иллюстративных и вспомогательных источников. Да и, к сожалению, ни те, ни другие, ни третьи не дают нам достаточно сведений для восстановления именно календаря и именно как целостной системы, увязывающей воедино время священное и время мирское.

При этом нельзя забывать, что «*пока миф был мифом в собственном смысле слова, его персонажи были просто реальностями, а не обозначениями каких-то реальностей»* (Стеблин-Каменский, 1976). Следы наиболее древних общих мифов, как уже было сказано, можно отыскать сравнительно-аналитическим методом, но особое значение для реконструкции приобретают современные этнографические материалы. Они представляют собой обширное поля для поисков следов календарных, космогонических и астро номических представлений далекого прошлого при условии учета ключевых признаков и черт древнейшего мировоззрения. Эти черты нами ранее неоднократно описаны (см., например: Гаврилов, Ермаков, 2008).

[2] См.: Международная конвенция ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия (Париж, 17 октября 2003 г.).

Жители городов и традиционный календарь

Это крайне непростой вопрос. Наша повседневная жизнь, казалось бы, течет сама по себе, без особой оглядки на какие-то даты. Вместе с тем это не так, и большинству из нас прекрасно известно и о влиянии лунных фаз, и о зависимости состояния организма от времени года – в связи долготой светового дня, например[3]. Все это мы знаем, но знаем как-то отвлеченно, редко прикладывая к самим себе. Вместе с тем имеем ли мы моральное (да и любое другое) право считать «пустышкой» многовековой народный опыт? Сомнительно, честное слово, сомнительно.

> «Считается общепринятым, что элементы географической среды (климат, характер растительности, рельефа, почвенные и гидроресурсы, и т. д.) играют роль неких внешних раздражителей, вызывающих соответствующие приспособительные реакции социального организма. Дискуссии продолжаются лишь по поводу конкретных форм такого воздействия, а также о включении того или иного элемента географической среды в набор факторов, определяющих социальное развитие» (Пестерев, 2003). Хорошо известно сегодня, что настроение во многом зависит от времени года и меняется вслед за их чередованием, весной возрастает половая активность. Прослежены подобные связи и в рамках более коротких отрезков времени, скажем, суток (Ассман, 1966). Сегодня проявление подобных зависимостей принято называть **синхронизацией** (синхронизация, от греч. *syn* – вместе + греч. *chronos* время, – приведение двух или нескольких процессов к такому их протеканию, когда одинаковые или соответствующие элементы процессов совершаются с неизменным сдвигом во времени либо одновременно).
>
> «Синхронизация имеет фундаментальное значение при рассмотрении колебательных явлений в природе и живом организме, обществе. Синхронизацию можно определить как согласование и упорядочение во времени различных событий, процессов и явлений. Суть синхронизации состоит в том, что при наличии некоторого числа слабо связанных колеблющихся объектов, чьи периоды (частоты) не совпадают, через некоторое время неизбежно возникает единый общий для всех объектов режим колебаний. <…> Синхронизация возможна при чрезвычайно малой амплитуде вынуждающей силы внешнего сигнала. Наиболее выраженный эффект имеет место при медленных вариациях внешней среды» (Волчек, 2006, с. 188).

Природные годовые изменения могут быть рассмотрены как своеобразные колеблющиеся объекты, внешние по отношению к человеку. Но и человек как неотъемлемая часть биосферы будет в той или иной степени привязан к ним, синхронизирован с ними. «Изменчивость природной среды влияет на протекание психических процессов и показатели самооценки, эмоциональную направленность, выраженность ведущих типов мышления, характеристики творчества. Это происходит, по-видимому, благодаря влиянию геокосмических факторов на функционирование мозга, взаимодействие правого и левого полушарий мозга и их попеременную активацию». (Волчек, 2006, с. 295).

[3] Скажем, известно, что световое голодание влечет за собою развитие предпатологических состояний (Волчек, 2006, с. 89).

Что такое праздничные даты **всех** традиционных календарей при рассмотрении годового круга как колебательного процесса? Это – маркеры, точки верхних или нижних экстремумов жизни биосферы планеты Земля (а следовательно, и человеческого сообщества). Их проявления будут различны в различных географических условиях. Именно это обстоятельство, воспринятое неким образом в рамках мифологического сознания, осмысленное через призму векового опыта людей, породило обычай отмечать праздник тем или иным (и никаким другим) образом. Со временем накопленные «наработки» стали передаваемой как традиционное знание частью духовного наследия, бытия, своего рода непременным условием выживания рода, племени, народа в целом.

Донаучное общество, ограниченное рамками не только более первичного, но и, на наш взгляд, более естественного для человека мифологического мировосприятия, облекло свой опыт в обрядово-ритуальную форму, нашло такой способ описания действительности, который был воспринят людьми, используем и сохраняем из поколения в поколение. «Так поступали пращуры, так надлежит действовать и нам», – древнейший поведенческий принцип, обеспечивающий сохранность и неизменность основы ключевых традиционных представлений. Иными словами, праздники годового цикла содержат своеобразный «концентрат» культурно-информационных кодов, вызывающих те или иные состояния, переживания и т. п.

> «Человек… – звено в цепи поколений. Поколения сменяют одно другое подобно тому, как сменяются времена года, и в последующих поколениях возможно появление людей, во всем подобных своим предкам: передаются родовые традиции, семейные святыни и могилы предков, родовые имена, а вместе с ними и качества этих предков. Такое отношение ко времени характерно для родового общества, воспроизводящего себя на традиционной основе. Термины, обозначающие время [у скандинавов] и восходящие, разумеется, к глубокой древности, почти все указывают на цикличность его восприятия либо на связь течения времени с человеческой жизнью».

Так писал А. Я. Гуревич, рассматривая феномен времени и летоисчисления в древнегерманских источниках (Гуревич, 2006). Эти слова справедливы и по отношению к другим традиционным обществам, не только германскому.

Современному человеку присуща «тоска по священному» (выражение М. Элиаде). Что это значит? Люди все более отрываются от естественной среды обитания, причем процесс этот начинает затрагивать уже и сельских жителей. Разрушаются веками складывавшиеся связи, уклады – все то, что в немалой степени и определяло бытие людей. Вопрос уже даже не в утрате старины, обычая – собственно основы такого бытия. Вопрос во все более углубляющейся пропасти духовной пустоты внутри отдельного человека и сообщества. Мы полагаем, ничтоже сумняшеся, что заполнить ее можно только, обратившись к истокам. Не к порожденным авраамическими религиями, которые упорно пытаются выдать за таковые истоки и которые так и не смогли окончательно приспособиться к быту и запросам европейских народов, а к истокам, если угодно, биологически оправданным. В них-то и содержится часть того самого «священного», которого столь не хватает нам сегодня.

Жизнь по «годовому коло» психологически, а возможно, и психофизиологически повышает устойчивость организма человека к внешним и внутренним стрессам, его готовность к сезонным изменениям. Конечно, можно предположить, что все дело в своего рода психотерапевтическом воздействии, которое оказывает традиционная праздничная обрядность на человека. Но, думаем, есть и другие, более тонкие влияния поворотных точек традиционных календарей. Степень их значимости и характер влияния на личность еще предстоит выяснить. Но это – вопросы будущего.

Рассуждая о роли и влиянии традиционного календаря на человека, нельзя не вспомнить и о следующем немаловажном аспекте. Мифологическое сознание никуда не исчезло, оно приобрело иные формы выражения. В быстро меняющихся условиях современной действительности, под прессом информационной революции оно оказалось как бы загнанным внутрь, в глубины подсознания. Что вольно или невольно влечет за собою углубление прежних внутри– и межличностных конфликтов и появление новых.

Именно праздничная обрядность – как воплощение сконцентрированного народного опыта – может, на наш взгляд, послужить действенным средством профилактики и исцеления.

> «Обряды с чисто аграрною целью настолько близки к обрядам с медицинскою целью, что отделять те и другие было бы методологически неправильно» (Д. К. Зеленин). Возможно, в этом кроется великий дар Обычая нам сегодняшним.

Потому-то представляется важным обратить внимание вот на какое обстоятельство. Представители православной церкви, которая упорно придерживается не солнечного григорианского, а, по их словам, звездного юлианского календаря, рассчитывают церковные праздники со сдвижкой на две недели относительно солнечного года. Позиция иерархов понятна, ибо они отказываются видеть в христианских догматах какую бы то ни было преемственность по отношению к языческим представлениям. Не будем здесь вступать в споры о преемственности, не все там так уж просто и ясно, но лишь приведем «типовой» ответ священника на вполне естественный вопрос:

> «Как соотносятся в календаре христианские и языческие праздники – Масленица, Купала, Троица – Треглав и т. п.? Как относится Православная Церковь к появившимся последнее время утверждениям, что современное православие есть гармоничный сплав язычества и христианства?
>
> Олег
>
> Уважаемый Олег, не входя сейчас в подробное рассмотрение вашего вопроса, ограничусь темой календаря. Дело в том, что церковный календарь был на Руси в X – начале XI веков полностью заимствован из Византии, где он к этому моменту сформировался на 95 процентов. Соответственно, славянские языческие праздники никак не могли стать прародителями праздников церковного календаря – хотя бы потому, что нарушается логическое требование о временном предшествовании. Другое дело, что на протяжении довольно долгих веков в народном сознании, в особенности в сельской местности, существовало так называемое “двоемирие”: уже крещеные, но недостаточно просвещенные русские люди соединяли в своем сознании слово христианской веры с пережитками языческих суеверий. Можно сказать, что полностью такое двоеверие не было изжито никогда. Впрочем, это уже другой вопрос, никак не связанный с генетическим происхождением христианских праздников и праздников языческих»[4].

Однако ответствовавший священнослужитель несколько лукавит и, в общем-то, уходит от точного ответа на заданный вопрос. Да, собственно **славянские** языческие праздники не могли стать **прародителями** праздников церковных (в большинстве случаев). А языческие

[4] См.: http://www.taday.ru/vopros/20162/25047.html (хотя подобных ответов множество и все они совершенно одинаковы по смыслу). Полностью сохранены орфография и пунктуация источника. Что же касается **полного** заимствования церковного календаря и праздников из Византии… авторы позволят себе воздержаться от комментариев.

праздники **других** народов? Историки религий уверенно прослеживают преемственность того же Рождества Христова, приуроченного ко дню рождения Митры, собственно Пасхи (да, она приобрела иной подтекст, но разве его сохранение есть обязательное условие?) и многих других церковных обычаев. Равно как и агиографии, иконописных установлений и многого, многого другого? Да и привязка церковных празднеств к солнечному и лунному календарю очевидна (например, расчет даты празднования пасхи и соответственно всех двунадесятых праздников).

Церковный календарь позволяет выделить и понять многие составляющие древнейших верований индоевропейцев, в среде которых он в немалой степени окончательно сложился, а через это осмыслить и славянские языческие обычаи и верования. Возможность такая тем более возрастает, что со времен окончательно установления на Руси христианства как господствующей религии (что, на наш взгляд, произошло не ранее XIV– XV вв.) народный обычай и церковный устав в праздничной обрядности действительно плотно слились. Настолько плотно, что теперь без специальной подготовки и усилий очень трудно отделить одно от другого, особенно если речь идет о сходных (а то и генетически родственных – через индоевропейские связи) элементах…

Вот только праздники-то церковные в России и прочих «православных» землях никак не хотят при нынешнем их счете перекликаться с солнечными, природными – иными словами, с **естественными** ритмами бытия. И признавать преемственность, как вы могли убедиться из приведенной цитаты, служители церкви никоим образом не хотят. Их право…

Глава 2
Время в языческом миропонимании

Чтобы понять мировосприятия древнего славянина, следует обратить внимание на особенности его сознания.
Ю. В. Крянев, Т. П. Павлова, «Двоеверие на Руси»

Священное время, или Время Богов

Наряду с пространством **время** является одной из основных составляющих и языческой, и современной картины мира. В традиционном понимании оно неоднородно.

Но что же такое время с точки зрения традиционного восприятия?

«О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа полкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени…»

Как явствует из знаменитых строк «Слова…», по представлениям наших предков время может быть разным («старое», «сие» время). Полагаем, использованы не просто поэтических образы, «разность» времени весьма характерна для традиционной культуры. Это представление восходит к древнейшим языческим образам Вселенной.

> «Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени. В нем воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам. Достаточно указать на циклическое восприятие времени, доминировавшее у народов древнего Востока и в античности, и на финалистскую концепцию движения мира от сотворения его к концу, к слиянию времени с вечностью в средние века, для того чтобы стало ясным коренное различие в жизненной ориентации культуры древности и культуры средневекового христианства» (Гуревич, 1999).

По М. Фасмеру, время… *веремя, ср. укр. веремо «ведро, погода», блр. вéреме, др.-русск. веремя, ст.-слав. вр#мя… болг. време, сербохорв. вријѐме, словен. *vréme*. || Родственно др.-инд. *vártma* ср. р. «колея, рытвина, дорога, желоб», сюда же «вертеть».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля время – «длительность бытия, пространство в бытии, последовательность существования, продолжение случаев, событий… »

А. Г. Преображенский в своем «Этимологическом словаре русского языка» указывает на близость слова «время» и к словам «вертеть, воротить, коловорот».

По современным научным представлениям, пространство и время – философские категории. И если пространство рассматривают как форму сосуществования материальных объектов и процессов (оно описывает структурность и протяженность материальных систем), то время понимается как форма и последовательные смены состояний объектов и процессов (оно характеризует длительность их бытия). Пространство и время существуют объективно, неразрывно связаны друг с другом и бесконечны. Универсальные свойства времени – длительность, неповторяемость, необратимость; всеобщие свойства пространства – протяженность, единство прерывности и непрерывности.

> «Существенным аспектом времени был счет поколений. Определив принадлежность лица к тому или иному поколению или установив их последовательность, получали вполне удовлетворявшее представление о связи событий, ходе вещей и обоснованности правовых притязаний. Понятие поколения воспроизводило ощущение живой преемственности органических человеческих групп, в которые индивид включался как реальный носитель связей, соединяющих настоящее с прошлым и передававших их в будущее. И это ощущение имело гораздо большие смысл и ценность, нежели простое указание на некоторую точку абстрактной хронологической шкалы. Но счет на поколения отражает локальное восприятие и исчисление времени. Такой отсчет практиковался в генеалогиях, родовых сказаниях, сагах. Посредством перечисления предков выясняли не общую хронологию народа, племени, государства, а преемственные связи в пределах рода, семьи, далеко не всегда устанавливая их соотнесенность с течением времени за пределами круга родства» (Гуревич, 1999).

Сегодня мы мыслим время линейно. В традиции авраамических религий восприятие времени как отрезка непрерывной прямой, имеющего начало и конец (в отличие от научных воззрений), обусловлено, на наш взгляд, восприятием Мироздания как чего-то отдельного от его Творца. С этой точки зрения все происходит лишь единожды, если вообще не предопределено заранее. В язычестве дело обстоит по-другому.

> «В мифах и сказках многих народов (не только сибирских) повторяется такой эпизод: герой попадает в незнакомое (неземное?) место, проводит там сравнительно недолгое время, а когда возвращается в свое селение, не находит ни дома, ни родных, ни друзей. Оказывается, за его краткое отсутствие родной мир постарел на десятки и даже на сотни лет и стал для него чужим: никто его не помнит, и он здесь никому не нужен.
>
> В этом отношении интересна одна сибирско-эскимосская легенда. Некто путешествовал несколько лет, затем возвратился домой, нестарым, в полном расцвете сил. Придя к месту своего родового селения, он с удивлением обнаружил, что оно совершенно изменилось. Жилище, в котором он некогда жил, развалилось, жена и малолетний сын исчезли, кругом были незнакомые люди. Вскоре возвращенец встретил дряхлого седого старика и спросил его о своих сородичах. Неожиданно выяснилось, что встреченный старец – его сын. Узнав об этом, отец тотчас упал на землю и рассыпался в прах. “Им, – комментирует печальный конец легенды В. Г. Богораз-Тан, – овладело земное время и подчинило его своему влиянию”.
>
> <…> Линейное время в разных мирах течет не только с разной скоростью, но и в противоположных направлениях. На этом зиждется жизненный круговорот, обеспечивающий возобновляемость жизни на Земле» (Косарев, 2003, с. 170–171).
>
> Интересно, к слову сказать, бытование сходных преданий по всей Евразии.

В основе представления о времени наших индоевропейских и, конечно, славянских предков – мифологема о «вечном возвращении». Бытие Вселенной циклично – пройдя круг своего существования до конца, она раз за разом возрождается и самообновляется: мир возникает, развивается, проходит пору зрелости, после чего приходит к концу жизни и… все повторяется сызнова. Представление о периодической гибели мира является общим для

индоевропейцев. Согласно языческой доктрине, связанной с образом круговорота времени, все лучшее уже было прежде. С таким пониманием связаны идеи о Золотом веке, что предшествует Серебряному, Медному и Железному в древнегреческой космогонии; смены эпох (юг) в древней индийской картине мира и т. д. Однако за гибелью следует возрождение мира и все возвращается «на круги своя»! (Гаврилов, 2004, с. 96– 102; Гаврилов, 2006б, с. 226)

Возникшая и объясняемая даже в разных культурах довольно сходными причинами «отдельность» людей от богов привела к развитию представлений о «разном» времени. Появилось «абсолютное» время богов и «относительное» время людей, время хорошее и время неблагоприятное – для людей или каких-либо их действий. На деле эти понятия в традиции, видимо, более неоднозначны, а порою даже запутаны, но для наших целей не столь уж необходим их пошаговый разбор.

> «Практически время наблюдалось древними людьми в таких проявлениях, как смена дня и ночи, времен года, а также процессах рождения, роста, старения и смерти как самого человека, так и окружающих его форм живой природы. Эти две группы феноменов наблюдаемого течения времени диктовали древнему человеку и два образа времени: циклический (основанный на повторяемости тех или иных природных явлений) и линейный (основанный на неповторяющихся событиях, например, на этапах человеческой жизни). Поскольку циклические явления были более наглядны, многократны (повторение мать учения!), то древнейшая мифология в преобладающей части своих сюжетов отразила по преимуществу именно этот образ времени» (Флиер, 2004, с. 16).

«Древнейшая мифология» в значительной степени стала основой мировосприятия современного человека.

> «Мы подчас не сознаем, что пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково. Констатация этого факта, подтверждаемого данными многих наук – лингвистики, этнологии, или культур-антропологии, истории искусств, литературоведения, психологии, – имеет огромное значение и для исторической науки, в особенности для истории культуры…
>
> Наше отношение к миру – иное, нежели мироощущение и мировоззрение людей эпохи средних веков. Многие из их идей и поступков нам не только чужды, но и плохо понятны. Поэтому вполне реальна опасность приписать людям этой эпохи несвойственные им мотивы и неверно истолковать подлинные стимулы, двигавшие ими в их практической и теоретической жизни.
>
> Человек не рождается с “чувством времени”, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит. Для промышленно-развитого общества характерно сознательное отношение ко времени. Современный человек легко оперирует понятиями времени, без особых затруднений осознавая самое отдаленное прошлое. Он способен предвидеть будущее, планировать свою деятельность и предопределять развитие науки, техники, производства, общества надолго вперед. Эта способность объясняется высокой степенью упорядоченности временных систем, которыми мы пользуемся. Время и пространство

> мыслятся как абстракции, при посредстве которых только и возможно построение картины унифицированного космоса, выработка идеи единой и закономерно-упорядоченной вселенной. Эти категории приобрели для нас автономный характер, ими можно свободно инструментально оперировать, не ссылаясь на определенные события, безотносительно к ним.
>
> …Современные категории времени и пространства имеют очень мало общего с временем и пространством, воспринимавшимися и переживавшимися людьми в другие исторические эпохи. В так называемом примитивном или мифологическом сознании эти категории не существуют как чистые абстракции, поскольку самое мышление людей на архаических стадиях развития было по преимуществу конкретным, предметно-чувственным» (Гуревич, 1972).

Важнейшей чертой традиционной культуры и мифологического мировоззрения является и то обстоятельство, что мифы изначально живут в своем, особенном времени – времени «первоначала», «первотворения». Привычные представления о линейном течении времени к нему неприложимы. Подобное понимание времени отчетливо прослеживается в эпосе, а также в народных, в частности, русских сказках, где события происходят «давным-давно», «в стародавние времена», «в незапамятные года», «с тех пор и до сих пор», «в начале времен» и т. д.

> «…Ни подвижность даты наступления Нового года (март–апрель, 19 июля, как у древних египтян, сентябрь, октябрь, декабрь–январь и т. п.), ни сложившаяся у разных народов различная продолжительность года не могли умалить того огромного значения, которое во всех странах придавалось окончанию временного периода и началу нового отрезка времени. <…> Для нас основным является повсеместное существование понятия конца и начала временного периода, выделенного на основании наблюдений над биокосмическими ритмами и вписанного в более обширную систему, а именно в систему регулярных очищений (ср. очищения, посты, исповеди в грехах и т. п. во время потребления нового урожая) и циклического возрождения жизни. Эта необходимость периодического возрождения сама по себе кажется нам весьма примечательной. <…> Периодическое возрождение времени предполагает в более или менее явной форме, и в частности, в исторических цивилизациях, новое Творение, то есть повторение космогонического акта» (Элиаде, 2000).

В сущности, сказанное и есть «ключ», основа понимания различия между мировосприятием человека современности и человека традиционного общества. Все попытки осмыслить былое без учета приведенных обстоятельств и особенностей обречены на провал. Все потуги сотворения новых языческих календарей и учений без того, чтобы положить в их основу описанные закономерности, являются не просто новоделами, но средствами заморочить голову потенциальным последователям.

Прекрасный тому пример – гуляющие в Интернете рассуждения о «загадочности» древнерусского календаря, который отличается от нынешнего на 5503 года… Да такое не всякий человек и без высшего образования проглотит, но ведь верят же. Верят, бедняги! Достаточно вспомнить библейский счет «от сотворения мира», как загадка куда-то исчезает – тем более при стопроцентной книжности источников с этой датой. Даже истоки разночтений, собственно говоря, давным-давно понятны, но нет, находятся желающие задурить голову и те, кто хочет быть обманутым.

Архаика не знает истории в нашем смысле слова. В древнегерманских сагах «объектом описания служит не простая преемственность времен, а лишь те отрезки времени, которые наполнены значительным, с точки зрения авторов, содержанием. Следовательно, сага объемлет серию эпизодов, следующих один за другим, но не всегда и не обязательно непосредственно связанных между собой во времени. Время – параметр человеческих деяний: где ничего не происходит, там как бы и нет времени, его невозможно заметить» (Гуревич, 1990, с. 69–134.).

В чередовании времен года, подчиненном строгому, от века в век повторяющемуся движению, легко усмотреть некую стройную логическую последовательность. Все циклы бытового и мифологического времени: час, день, неделя, месяц, год, эпоха построены на едином основании, как и все Мироздание в целом. Человек искушенный сумеет отыскать образно-символическое родство не только между годами предшествующим, текущим и грядущим, но и между годом и месяцем, месяцем и днем, человеческой жизнью и годом. Все это устроено как бы одинаково. Зарождение – развитие – кульминация – зрелость – увядание – смерть – новое начало… И так из года в год, из века в век. Личные изменения, происходящие в человеческой жизни, вторичны, но и они есть лишь часть «круга».

> «Очевидно, что <…> в языческом мире славян господствовало природное время. Оно основывалось на цикличности, повторяемости природных явлений и было сопряжено с хозяйственной деятельностью. Путем наблюдений над природно-хозяйственной жизнью складывался большой пласт календарных примет, формировался народный календарь русской природы. Можно думать, что понятие “круга” применительно к времени было основным; велика роль также и дуальных структур в восприятии времени: день – ночь, лето – зима, с последующим (?) делением на два: утро – вечер, весна – осень. Весеннее (мартовское) начало года также, по-видимому, имело истоки в этой языческой традиции. Дуалистическую основу имеет и универсальная для многих культур 12-ти членная система деления года со сложившимися у славян названиями месяцев преимущественно “природной” семантики» (Пчелов, 2006, с. 71–72).

Единство восприятия мира – как пространства–времени, так и в «линейном» смысле человеческого бытия, да и вообще всего сущего, прослеживается во многих источниках. Начало/рождение – развитие – смерть/возрождение…

Преображение смерти в жизнь по троичному принципу рассматривается и в Упанишадах:

> «1. Вначале не было вообще ничего. Смертью это осенялось, или голодом, ибо голод – это смерть. Он сотворил дух, думая: “Пусть у меня будет самость” (дух). Затем он пошел кругом, поклоняясь. Когда он поклонялся, из него произошла вода…
>
> 2. … Плававшая по воде пена загустела; она стала землей. На ней упокоилась она [т. е. смерть]. Из покоившейся и согревавшейся [с помощью аскезы] смерти возникла его яркая сущность [в виде] огня.
>
> 3. Она разделилась на три части: огонь – это одна треть, солнце – еще одна треть, и воздух – другая треть. Она является также жизнью (букв. дыханием], разделенной натрое» (Брихадараньяка упанишада, I, 2, 1».

Любопытно и ценно в этом смысле также свидетельство Гая Юлия Цезаря (102–44 гг. до н. э.), который, к счастью, умел не только хорошо воевать, но и описывать виденное им:

«VI.14. … Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость. Кроме того, они много говорят свои молодым ученикам о светилах и их движении, о величии мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов.

VI.18. Галлы все считают себя потомками Дита и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, за ней день… » (Цезарь, Записки о Галльской войне).

Четырехчастный (привязанный к солнцестояниям и равноденствиям) «круг вечного возвращения» составляет основу исчисления времени в развитой традиционной культуре. И лишь на стыке времен года, в ключевых его точках – в дни упомянутых солнцестояний и равноденствий – да, пожалуй, в течение еще весьма ограниченного числа дней в году – в человеческое бытие вторгается «пятое время года» – Время священное, Время божественное и *изначальное*. Не время нашего Среднего мира, которое создано богами…

А вот как объясняется необходимость появления времени в зороастризме:

«18. До акта творения Ормазд не был Господом; после акта творения он стал Господом, – стремящимся к прирастанию, мудрым, свободным от вражды, сияющим, всегда повелевающим правое, щедрым, всеведущим.

19. [Первым делом он сотворил сущность богов, красивое (упорядоченное) движение, тот дух, благодаря которому он улучшил свое тело], ибо он представил себе акт творения; от этого акта творения пошло его господство.

20. И своим ясным зрением Ормазд видел, что Дух-Разрушитель никогда не прекратит нападок, и что нападки эти станут бесплодны только вследствие акта творения, и что творение может сдвинуться с места только благодаря Времени; а когда возникнет Время, творение Ахримана тоже придет в движение.

21. И чтобы низвести захватчика до бессилия, ему не оставалось ничего другого, кроме как создать Время. А дело было в том, что Дух-Разрушитель не обессилел бы до тех пор, пока не вступил в битву…

22. Затем из Бесконечного Времени он сотворил и создал Время долгой Власти: некоторые называют его конечным Временем. Из Времени долгой Власти он произвел постоянство, дабы не погибли труды Ормазда. Из постоянства явилось неудобство, дабы удобство не коснулось демонов. Из неудобства явилось течение судьбы, идея неизменности, дабы оставались неизменными вещи, созданные Ормаздом в начале творения. Из идеи неизменности явилась совершенная воля [сотворить] материальный мир, согласие праведного творения.

23. В своем неправедном творении Ахриман был лишен знания, лишен порядка. А причиной и истолкованием этого было вот что: когда Ахриман вступил в битву с Ормаздом, то величественная мудрость, слава, совершенство и постоянство Ормазда проявились вместе с бессилием, своеволием, несовершенством и туповатостью Духа-Разрушителя, а было это, когда создавалось творение.

24. Ибо Время долгой Власти было первым его созданием; ведь ОНО было бесконечным до замутнения целости Ормазда. Из бесконечного оно

сделалось конечным; ибо от времени начала творения до его завершениям когда Дух-Разрушитель обессилеет, пройдет конечный срок в двенадцать тысяч лет. Затем творение смешается и соединится с Бесконечным, чтобы творение Ормазда всегда пребывало с Ним в чистоте.

25. Как сказано в Вере, "Время могущественнее обоих творения творения Ормазда и творения Духа-Разрушителя. Время постигает любое действие и устанавливает (закон). Время постигает больше, чем постигающие. Время знает больше, чем знающие многое; ибо решение должно приниматься во Времени. Время опрокидывает дома – гибель во Времени – и сотрясает кумиров. От него не ускользнет ни один смертный – ни взлетев вверх, ни выкопав яму и поселившись там, ни спрятавшись в холодной воде колодца".

26. Из собственной сущности – из материального света Ормазд создал форму своих созданий: форму огня – яркую, белую, округлую и видную издалека. Из материальной [формы] этого духа, отражающего нападение в двух мирах – будь это Сила или Время, он создал форму Вай, Блага, ибо Вай был необходим: некоторые называют его Вай долгой Власти. С помощью Вай долгой Власти он создал творения, ибо когда он создавал творение, Вай был орудием, необходимым для деяния» (Большой Бундахишн, I, 18-26).

Итак, обычаи предполагают существование «начального» (священного) времени, которое предшествует времени историческому (профанному). События «того времени», «начала времен» отражены в преданиях, мифах о сотворении мира, объясняющих существующее положение дел. Эти события, деяния богов и героев есть первопричина и объяснения происходящего, а равно указание на то, что и как надо делать. Недаром, «протестуя против водворяемого среди них христианства, пруссы говорят своим миссионерам, что из-за них (поскольку они пришли со своими, чуждыми обрядами) земля прусская перестанет давать жатву, деревья – плоды, животные – приплод» (Греков Б. Д., 1953[5]).

Годовой круг рассматривается как повторение событий творения и развития мира, вплоть даже до его угасания и возрождения. Последнее народы северного полушария обычно связывают с зимой, зимним солнцеворотом и рождением нового светила. Существенно, что для человека традиционного общества объяснение устройства вещи по сути является и рассказом о том, как и откуда она появилась. Отсюда и повторение космогонического мифа есть воспроизведение событий «того времени», более того – отчасти это повторное его сотворение. Космогонический миф воспроизводится в календарной обрядности и делает людей соучастникам процесса бытия на уровне Вселенной. Это поднимает живущих ныне до уровня богов-демиургов, культурных героев, предков, которые и выступают как творцы или сотворцы. Одновременно подобные действия позволяют их участникам прикоснуться к той волшебной духовной силе, которая при правильном творении календарного обряда напитывает всех его участников. Ошибка в дате или отказ от соучастия в действе «отрезают» от этой силы, влекут за собою нарушение Вселенского закона, порядка и лада.

По древнейшим представлениям, человек наравне с богами есть неотъемлемая составляющая мирового процесса. Он – сотворец, своим поведением содействующий рождению, взрослению, зрелости и умиранию Мира. И сам человек проходит точно такой же жизненный путь, проживая замкнутый круг, обладающий священной и магической силой. Для человека мерилом прохождения круга служит прежде всего один год – промежуток времени от некоего «природно-космического» события до его, этого события, повторения. Снова и снова

[5] Со ссылкой на: Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. – М., 1897

настает – нет, не время, – пора. Пора охоты. Пора посева. Пора сбора урожая. Пора праздника…

Пусть в обыденной жизни человек и волен поступать так, как то свойственно людскому племени, в силу каких-то причин утратившему постоянную сопричастность горнему миру (впрочем, едва ли он может действовать иначе, будучи только человеком), но в «ключевые» отрезки кольца времени он, в сущности, такового права лишен. И, по мнению человека древнего общества, это – обязательное условие выживания. Интересно, насколько мифологическое объяснение перекликается с естественнонаучными подходами к годовым ритмам и связи с ними человека, которые мы только начинаем понимать (см. выше). Надо думать, на этом пути нас ждет еще великое множество удивительных открытий.

Разделение времени на «священное» и «мирское» требовало не только исчисления порядка и сроков смены лета, осени, зимы и весны, но и неких «линейных» бытовых расчетов. Речь идет об определении, например, сроков беременности, о назначении дат поминальных дней и так далее. Повседневная бытовая и хозяйственная деятельность в традиционном обществе также была строго «размечена». Люди соблюдали множество запретов и ограничений на действия или, напротив, отказ от них.

Отсюда берет свое начало идея праздника – события или периода не столько радостного, сколько сложного и очень ответственного. Праздник происходит в особом Времени – Вечном, божественном. И в силу того, что для человека прямое соприкосновение с Иным Миром чревато, – опасным.

Время мирское, или линейное

«Конечно, большая часть жизни человека раннего средневековья проходила в добывании пищи, однако у него оставалось какое-то свободное время, которое посвящалось не только праздникам и обрядам» (Коваль, 2000). Именно поэтому необходимо сказать несколько слов и о повседневном исчислении времени.

Ныне многочисленные «изобретатели» древних знаний наших предков всячески исхитряются, чтобы предложить ту или иную правдоподобную, по их мнению, картину мироздания, мифологию и календари славян. С точки зрения умонастроений это очень понятно: как так, великий же народ, прародители атлантов и старшие братья гипербореев! Не может же быть, чтобы такой мелочи, как календарь, у славян-то не было, а? Разбирать подробно такие сочинения нет ни сил, ни смысла, ни желания. Да, наверное, и нужды особой тоже нет – ибо уверовавших не переубедить, а думающие и так не верят (хотя и пытаются отыскать настоящие знания о прошлом).

Вот и мы, по здравом размышлении, обратимся к думающим и ищущим, к тем, кто желает понять, а не только уверовать.

Итак, Священное время – время «до начала времен». В мире богов, в ином пространстве оно присутствует постоянно, двигается по кругу, отчего в мире людей и разыгрывается из лета в лето космическая драма смены времен года. Люди же – неважно, почему именно – неким образом выпали из этого «до-времени». Свой земной путь они проходят линейно, лишь условно, в некотором смысле, умирая каждый вечер и возрождаясь каждое утро.

Что же до счета «от сотворения мира», которым так любят баловать нас псевдореконструкторы, ответ может быть только один. Да, в Древней Италии существовал, скажем, счет от основания Рима. А в Древней Греции – от первой Олимпиады. Но куда важнее был все тот же священный календарь, позволявший исчислять сроки наступления событий иного, Вселенского порядка – «сроков до скончания времен» (Сумерек Богов или Конца Света), ибо время Мироздания, время Богов – не линейно. Поскольку и в древнейшие поры люди все же более беспокоились о насущных потребностях. Это приводило к мнимой двойственности их мировосприятия, когда одна сторона последнего была обращена в мир божественный, а вторая была нацелена на вполне повседневные потребности.

> «Существеннейшая особенность понимания пространства и времени людьми первобытного общества заключается в том, что в их сознании эти категории выступают не в виде нейтральных координат, а в качестве могущественных таинственных сил, управляющих всеми вещами, жизнью людей и даже богов. Поэтому они эмоционально-ценностно насыщены: время, как и пространство, может быть добрым и злым, благоприятным для одних видов деятельности и опасным и враждебным для других; существует сакральное время, время празднества, жертвоприношения, воспроизведения мифа, связанного с возвращением “изначального” времени, и точно так же существует сакральное пространство, определенные священные места или целые миры, подчиняющиеся особым силам» (Гуревич, 1972). Однако
>
> «… Не существует двух форм мышления у человечества, одной – пра-логической, другой – логической, отделенных одна от другой глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, быть может, всегда, в одном и том же сознании» (Леви-Брюль, 1992).

Мирское время действительно имеет прошлое и будущее. И это отчасти христианизированное, отчасти, видимо, сложившееся самостоятельно понимание хорошо прослеживается в средневековых текстах. Скажем, Снорри Стурлуссон связывает исход асов «из страны, где ныне турки», с прекрасно известной экспансией Рима на Ближний Восток:

> «V. … В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений. Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа… <…>
>
> IX. …. Ньерд из Ноатуна стал тогда [После смерти Одина. – *Авт*.] правителем шведов и совершал жертвоприношения. Шведы называли его своим владыкой. Он брал с них дань. В его дни царил мир, и был урожай во всем, и шведы стали верить, что Ньерд дарует людям урожайные годы и богатство. В его дни умерло большинство диев. Все они были сожжены, а потом им приносили жертвы. Ньерд умер от болезни. Он тоже велел посвятить себя Одину, когда умирал. Шведы сожгли его и очень плакали на его могиле. X. Фрейр стал правителем после Ньерда. Его называли владыкой шведов, и он брал с них дань. При нем были такие же урожайные годы, как и при его отце, и его так же любили. Фрейр воздвиг в Уппсале большое капище, и там была его столица. Туда шла дань со всех его земель, и там было все его богатство… Его почитали больше, чем других богов, потому что при нем народ стал богаче, чем был раньше, благодаря миру и урожайным годам…» (Стурлусон, «Круг земной»).

Здесь мы видим фактическое смешение «времени оного» древнего сознания и отчетливой попытки привязаться к историческим событиям. Подобное можно обнаружить и в описании событий более близких и недлительных.

> «Вот Сигмунд-конунг трубит в свой рог, что остался ему от отца, и побуждает дружину. Было у Сигмунда дружины много меньше. Завязалась тут жестокая битва, и хоть был Сигмунд стар, а все же сражался он люто и все время был впереди своих. Не устоит перед ним ни щит, ни броня, а он весь день идет прямо на вражескую дружину, и никто не знает, чем кончится бой между ними. Много там летало дротов и стрел, и так помогали ему вещие его дисы, что не был он ранен, и неведомо, сколько людей пало от него, и были у него обе руки в крови по самые плечи. А когда продлился бой тот некое время, явился на поле том человек в нахлобученной шляпе и синем плаще; был он крив на один глаз, и в руке у него – копье. Этот человек выступил навстречу Сигмунду-конунгу и замахнулся на него копьем. А когда Сигмунд-конунг ударил со всей силы, столкнулся меч с копьем тем и сломался пополам на две части.
>
> Тут Сигмунда-конунга покинули Удачи, и многие пали из его дружины…» (Сага о Волсунгах, III).

Любое «вчера, прошлое, предки» становилось «сегодня, настоящим, зрелым родителем» и устремлялось в «завтра, грядущее, принадлежащее детям». Но все же завтрашний день вдруг оказывался уже вчерашним, и цикл повторялся. За Утренником скакал Полуденник, а за ним Вечерник (см. сказку «Баба-Яга и Василиса Прекрасная» в изложении А. Н. Афанасьева), затем снова выезжал Утренник… И за порядком этим следила Великая Мать и

Пряха Судеб – славянская богиня Яга, она же и Макошь, которой служили эти три всадника[6]. Собственно, еще Мелетинский отмечал, что среди деяний культурного героя в пространстве мифа есть и установление небесных светил, и регулирование смены дня и ночи, и времен года, приливов и отливов… (Мелетинский, 1982, с. 25–28).

Мифологическое сознание живет по иным законам, отличным от требований современной науки (или потуг на подражание ей). Деяния обожествленных предков[7] жили в песнях, преданиях, если не вообще проявлялись в самом окружающем мире в виде природных событий, чередования времен года и иных перемен.

Наше внутреннее Я, наше естество жило и продолжает жить по природным законам, по божественным правилам, в большей или меньшей степени продолжая подчиняться законам мифологической Вселенной. И поделать с этим ничего нельзя, да и не нужно. Священные солнечные и лунные циклы определяют наше бытие. В их повторении – основа нашей жизни, хотим мы того или нет.

Поэтому счет от «основания мира», «падения» или «основания Н-ска» и т. п. если и присутствовал в рамках исторически действительно традиционного мировоззрения индоевропейцев, не знавших идеи божественного откровения или письменного предания, то исключительно как нечто временное, преходящее, мирское, но никак не могущее стать частью «священного», частью объясняющего мироздание мифа.

[6] В этой связи стоит упомянуть, пожалуй, и трех разных волков Егория Храброго, уверенно сопоставляемого с Ярилой.

[7] О роли и месте почитания предков в рамках языческого миропонимания славян речь пойдет ниже. Также см., в частности: Русская традиция, 2007; Гаврилов, Ермаков, 2008.

Отступление. Историческая память и традиция[8]

Сегодня мы считаем годы в том числе и для того, чтобы «закрепить» свою историческую память. Глубина исторической памяти современных людей невелика. Наглядным примером тому – вот что.

По всей территории Руси западнее Москвы и, частично, в Беларуси в деревнях и весках помнят местные жители о французских могилах. В 1812 году шел на Москву император Наполеон Бонапарт, а потом, когда его армия отступала, его солдатам приходилось хоронить павших однополчан в курганообразных насыпях – братских могилах. Вам поведают о том, как в детстве рассказчик и его приятели собственноручно вскрыли такую могилу, нашли там остатки мундиров, золотые [*sic*!] пуговицы, остатки эполет. Только со временем все куда-то подевалось… В Интернете ходит даже душераздирающая байка про некую аномальную зону в окрестностях Ново-Переделкино, что под Москвой. Появилось это жуткое место потому, что там захоронены французские солдаты (или колдуны?). И лежат они доселе там, нетленны, и автор (якобы «исследователь тайного и загадочного») собственноглазно видел эти самые тела…

> «В центре находилась большая, заросшая высокой травой прогалина с шестью курганами на ней. Пять – примерно 3,5 метра высоты, – вероятно солдатские и один центральный примерно 5–6 метров высоты, – вероятно офицерский…
>
> Ткань также не истлела, хотя краски сильно пожухли. Человек был, что называется, при полном параде, несколько орденов и две или три медали и какие-то отличительные знаки, вероятно. Срезать их почему-то ни у кого в тот момент не возникло сильного желания, особенно под впечатлением после всего увиденного. Единственно, что я позволил себе, – срезал кокарду с его головного убора, который лежал у него на груди слева вместе с перчатками, – не знаю, как он называется, – такой же, в каких изображается обычно на картинах Наполеон или французские офицеры того времени, – черного цвета с загнутой тульей.
>
> После первого опыта у людей появился азарт и мы принялись копать дальше, – вырыли поперечную траншею, не сильно углубляясь в более глубокие слои. Нашли еще четыре тела, сохранившиеся аналогично первому. Это был офицерский курган – центральный, самый высокий, потому что ни одного солдата среди откопанных нам не попалось. Кое-что из найденного взяли себе на память. В основном – ордена и медали, а также нашему врачу повезло, – в руках у одного из покойных был маленький томик Священного писания в серебряном окладе с инкрустацией. Вероятно, это был представитель какого-то знатного рода или просто высокопоставленный офицер, – весьма дородный при жизни седой старик, на пальцах у него было несколько перстней и колец» (http://www.internet.dn.ua/pages/interes/anomalia/zoni.html).
>
> Вот такая, понимаете, «экспедиция»…

[8] Фрагмент статьи И. Рагозина и С. Ермакова «О глубине исторической памяти» (Северная Традиция. Священный остров Руян: сборник // сост. и общ. ред. Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков. – М.: «Социально-политическая мысль», НИО «Северный ветер», 2008. – с. 195).

Надо ли говорить, что весь этот текст, растиражированный в сети сотнями, если не тысячами копий, есть сплошная фантазия – не такого места близ Переделкино и Ново-Переделкино. И не было никогда.

Однако нам важно другое. В подавляющем (если не в абсолютном) большинстве случаев «французскими могилами» (в Беларуси еще и «шведскими») называют… славянские захоронения домонгольской поры. Естественно, нет в них ни нетленных тел французских кирасир, ни золотых пуговиц… Да ничего почти нет – таков уж был у славян погребальный обычай.

Эти распространенные местные «мифотопонимы» и показывают нам «глубину» современной исторической памяти. Грустно показывают, ибо свидетельствуют о том, сколь дорого обошлись традиции последние сто-двести лет…

Вот почему ныне восстановление действительно древнего священного календаря во всей возможной полноте – крайне непростая, пусть в известном смысле даже невыполнимая задача. И в дальнейшем нам придется весть речь не столько даже о реконструкции, сколько о воссоздании «идеальной модели» языческого солнечно-лунного славянского календаря.

Глава 3
Круг времени древних европейцев

Входя в мир славянского язычества, мы должны также четко представлять, что его развитие опосредовано окружающей человека природной средой и господствующими общественными отношениями.
Ю. В. Кривошеев, «Религия восточных славян накануне крещения Руси»

Соседи и предшественники

Итак, древнейшие календари Европы появляются еще в палеолите. В связи с этим обстоятельством, кстати, не очень понятно, почему родоначальниками календаря упорно предлагают считать Вавилонское царство или Египет. Надо думать, не только по той причине, что эти народы известны Ветхому Завету, а также по причине большего объема знаний о них. Представление о созвездиях, как принято считать, впервые складывается в Египте довольно рано, около 3000 лет назад (Волчек, 2006, с. 136). Но и с таким подходом можно, видимо, не соглашаться – по крайней, мере, в пользу иной точки зрения также имеются свидетельства (Лушникова, 2004).

Здесь надо сказать, что мы скорее будем стоять на той точке зрения, что каждый народ создает собственную систему счета времени хотя бы в силу объективной необходимости. Заимствования вполне вероятны, но каждый этнос все-таки создает **свою** систему счета времени. Скажем, свидетельства о таких системах у народов Центральной и Северной Европы восходят к первым векам нашей эры и касаются германских и кельтских племен, с которыми тесно соприкасались римляне (собственно, и оставившие записи).

Стоунхендж – мегалитическое сооружение эпохи ранней бронзы. Возможно, самое известное подобное сооружение в мире и наверняка самая известная обсерватория древности

Исследования археологических и культовых объектов Европы, проведенные в последние десятилетия, показали астрономическое (и, следовательно, календарное) назначение ряда памятников, например, мегалитических сооружений типа всем известного Стоунхенджа. Однако они едва ли имеют отношение к индоевропейским народам и едва ли построены ими. В лучшем случае представители германских или кельтских племен воспользовались тем, что досталось им от предшественников, чья этническая принадлежность неизвестна.

Существенную помощь в понимании древнейших календарей оказывает **археоастрономия**. Этот термин введен в оборот Джеральдом Хокинсом. Именно Хокинсу удалось доказать, что мегалитические «врата» Стоунхенджа являются грандиозными визирами, которые отмечают восходы и заходы Солнца и Луны в дни солнцестояний и равноденствий (Хокинс, Уайт, 1984; Хокинс, 2004). Он привел убедительные доказательства того, что Стоунхендж служил древней астрономической обсерваторией. Он позволял предсказывать не только моменты восходов и заходов Солнца и Луны, но и дни их затмений, а также заставил нас иначе думать об уровне астрономических знаний древних жителей Европы (среди которых, скорее всего, были и предки славян).

> «Регулярное наблюдение повторяющихся природных явлений: смены дня и ночи, фаз Луны, годичного цикла сезонов было первым обстоятельством, которое развивало мышление первобытного человека, привело к формированию абстрактных понятий, положило начало измерению и счету времени. Астрономия служила и практическим целям: она составляла основу календаря и навигации» (Климишин, 1990).

Сегодня словом «археоастрономия» называют отрасль науки на стыке гуманитарного и естественнонаучного знания. Предметом исследования ее являются памятники прошлых эпох, изучаемые историческими (прежде всего археологическими), астрономическими и иными методами с целью воссоздания астрономических представлений древних – как с учетом эволюции природной среды, так и для проверки современных астрономических гипотез.

> «В I в. н. э. Плиний, повествуя об обычаях и нравах кельтских жрецов Галлии (друидов), сообщал, что они связывали счисление года и месяцев с изменением фаз Луны. Согласно Гаю Юлию Цезарю (I в. до н. э. – I в. н. э.), галлы вели счет не по дням, но по ночам. Следовательно, они строили свой астрономический календарь на лунном или лунно-солнечном годе.
>
> Страбон (63 г. до н. э. – 23 г. н. э.) отмечал, что кельтиберы поклонялись божеству Луны. На древних кельтских монетах мотив Луны занимает ведущее место. Наблюдая изменение ее фаз, исчезновение и появление, кельты пришли к выводу, что смерть не означает конца, а рождение, старение, смерть, как и в случае с Луной, приводят к новой жизни. Этот основной ритм управляет всеми природными явлениями и выражается в противопоставлении не только жизни смерти, но и времен года друг другу, а также дня ночи» (Шервуд, 1993).

Имеются убедительные доказательства, что в далеком прошлом племена, населявшие лесную полосу Европы, делили годовой круг на две части, мужскую и женскую, зимнюю и летнюю. О продолжительности их имеются разные мнения:

> «У кельтов год (древнекельтское *bleido*, кембрийское *blwydd*, бретонское *bloaz*) распадался на зиму и лето. В древнеирландских законах год определялся как “*dá se mis*”, т. е. “дважды шесть месяцев”; в гэльских источниках чаще встречается определение не года, но его двух полугодий (*banner blwydyn* – полугодие от кембрийского *hanter*, *hanner* и корнийского *hanter* – половина). По полугодиям складывали более крупные периоды в полтора или два с половиной года (соответственно 3 и 5 полугодий). Учитывались 7 зимних и 5 летних месяцев. Несмотря на различия в длительности, они рассматривались как полугодия: *samain* – “зима”, *beltane* – “лето”» (Шервуд, 1993).

В любом случае смысл такого деления понятен и даже позднее, когда у германцев выделились три времени года и т. п., сквозь почти утратившие первоначальный смысл обряды проступают чрезвычайно древние черты.

Круг Времени опирается на значимые события, как исторические, так и мифологические, оставшиеся в памяти потомков от предков. Например, в «Младшей Эдде» Высокий, Равновысокий и Третий рассказывают, как убив первовеликана Имира, сыновья Бора сотворили из него свой мир в дополнение к ранее существовавшим Муспельсхейму и Нифльхейму. Ведают они и о том, что Один, Вили и Ве наполнили содержанием Мировую Бездну, нарушив ее пустоту, и упорядочили ее, дав место всякой искорке, всему «назначив свое место и уготовив путь». Этим трое создали Время – «и говорится в старинных преданиях, что с той поры и ведется счет дням и годам». (Младшая Эдда, пер. О. А. Смирницкой, под ред. М. И. Стеблин-Каменского).

До наших дней сохранились народные календари охотников европейского Севера: финнов, саамов, карел, коми, хантов, манси. Для нас важно, что структура таких календарей основана на биологическом поведении промысловых животных: лося, медведя, куницы, белки, оленя и др. (Гусаков, 2006). Это не только показывает меру зависимости человека от природы, но и позволяет поразмышлять о степени действительной связи с нею. Несомненно, календари эти очень древние и, весьма вероятно, что до освоения скотоводства и земледелия сходными календарями пользовались и индоевропейские народы, заселявшие Европу.

Согласно известному этнографу, специалисту по малым сибирским народам В. Г. Богоразу, у чукчей

> «Большая Медведица складывается из следующих частей: шесть звезд – wьjotkьnaulьt «пращеметатели», седьмая (двойная) – “бурая лисица, грызущая пару оленьих рогов”. Орион – охотник-“кривоспинник” (Пояс Ориона – его спина). Созвездие Лев представляется стоящей женщиной (vetcanaut). Это жена Кривоспинника, приревновавшая его к Плеядам. Она ударила мужа по спине, отчего он стал горбат. Плеяды – nausqatjomkьn “группа женщин”. Это шесть молодых женщин, ожидающих мужей. Кривоспинник хотел жениться на одной из них, но они его прогнали, и он целится в них из лука. Лук Кривоспинника – группа звезд, находящихся впереди созвездия. Созвездие Альдебаран – стрела Кривоспинника (celgьmaqьn); она не долетела до убегающих женщин и попала в моховую трясину. Колымские чукчи говорят, что “группа женщин” стоит спокойно, защищаясь сетями, которые состоят из многочисленных мелких звезд. Капелла (ά созвездия Возничий) – это олений бык, привязанный к саням человека, едущего на двух оленях (четыре звезды Возничего носят название сьmna nletehn “ведущий быка”). Созвездие Рысь – охотники с оленьей

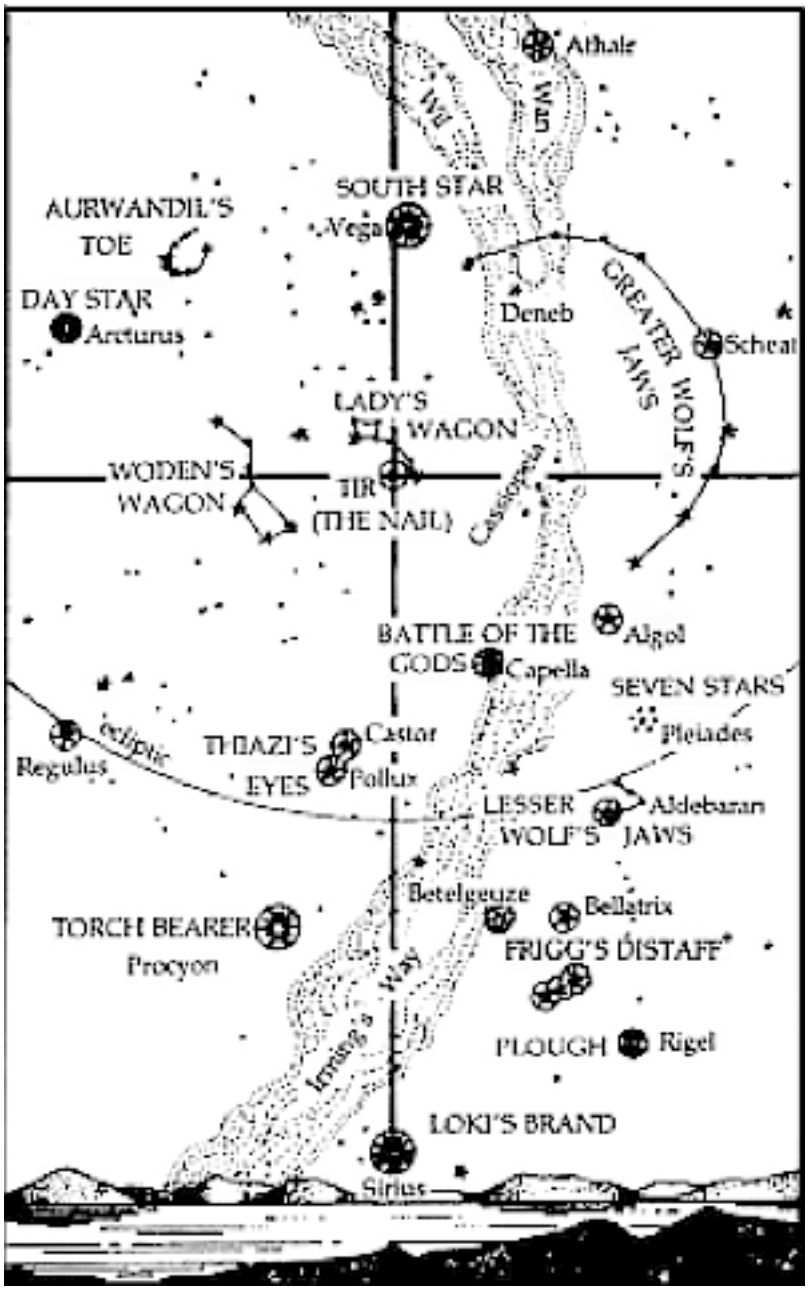
> упряжкой, Кастор и Поллукс – два лося, убегающих от охотников»[9] (Богораз, 1939, с. 24–25).

Тесные контакты и отчасти схожий образ жизни древних славян, сибирских и культурно связанных с ними финно-угорских народов Восточной Европы, позволяют нам обращаться к их данным для поисков мифологически-мировоззренческих параллелей (конечно, с рядом оговорок). В славянской этнографии почитание животных и вообще наблюдения за животным миром хорошо известны. М. Гусаков (1990, 2006 и др.), один из зачинателей археоастрономических исследований в нашей стране, полагает, что на основе археологических и этнографических данных можно восстановить «звериный» календарь лесной полосы Европы раннего железного века. Если согласиться с тем, что славяне также выходцы из похожих природных условий, следы подобного исчисления времени могут быть обнаружены при целенаправленном поиске.

Изложим некоторые соображения исследователей археоастрономии по поводу такого календаря:

> «Перед нами календарь, в котором, с одной стороны, важную роль играют элементы синтетической организации всего годового цикла живой природы, а с другой стороны – мифологически-религиозные представления, персонифицированные в образах животных и астральных культах. По-видимому, когда мы говорим об археологических культурах РЖВ лесной полосы, мы имеем дело с неким подобием зодиакального цикла.
>
> Чтобы представить, как мог выглядеть древний календарь, мы должны в первую очередь определить точки отсчета. Такими, сугубо астрономическими точками отсчета являются моменты равноденствий и солнцестояний, а также начало фаз новолуния.
>
> Этнографические и исторические свидетельства тоже указывают на это: основные религиозные мистерии приходились именно на эти узловые моменты года. Также мы хорошо знаем, что жертвоприношения и празднества медведя приходились на раннюю весну, когда медведь выходил из берлоги.

[9] В цитате сохранена орфография оригинала.



Приполярная часть северного звездного неба с указанием названий отдельных звезд и созвездий (по старинным английским и германским источникам) (по: Pennick, 1989)

Жертвоприношения лошади связаны с началом лета, с солнечным культом Небесного коня, что совпадало с концом периода спаривания у лошадей.

Связаны с небесными культами были также лось, олень, косуля, но празднества в их честь совпадали с осенним гоном, боями, сбросом рогов (у самок) и началом охоты на них.

Культ кабана (свиньи) был связан с концом года: зима – это период гона, спаривания, а также появления приплода у домашних свиней.

Культовые праздники куниц, соболей, бобров, выдр у охотников Русского Севера, Урала и Сибири в основном совпадали с началом охоты на пушного зверя – это осень-зима.

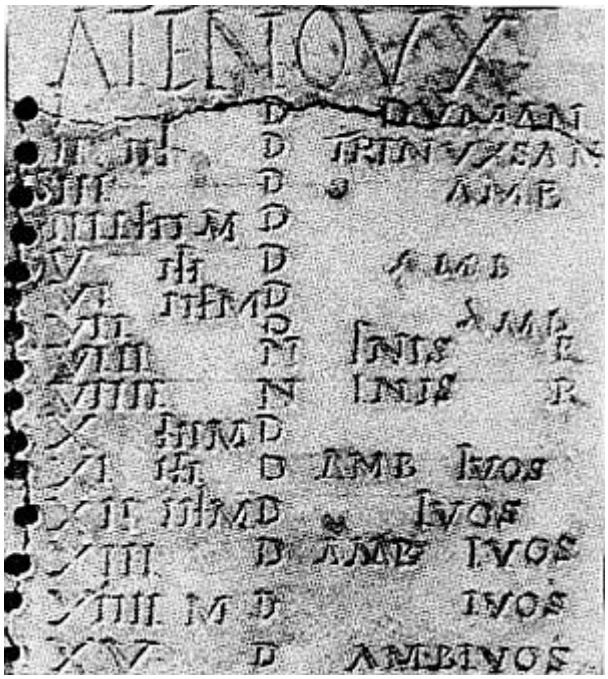
Праздники в честь культа волка, лисицы, рыси, как правило, были связаны с зимними периодами, что совпадает с периодами гона и течки.

Например, тесно связанный с волками римский праздник пастухов – Луперкалии – приходился на 15 февраля.

Культ собаки часто сопровождал мистерии, связанные с культом предков и поминовением усопших. Однако, учитывая биологические ритмы поведения собаки, можно предположить, что принесение в жертву собаки имело место дважды в год и происходило перед началом гона, спаривания и родами. Недаром в античной ритуальной практике принесение в жертву щенков, посвященных богине Гекате, также приходилось на февраль. Вообще необходимо заметить, что жертвоприношение животных совпадало не только с началом охоты на них, но и с периодами спаривания и родами. Поэтому многих животных приносили в жертву дважды в год.

Единственное исключение составлял медведь. Культ медведя общеизвестен и повсеместно распространен, но у разных народов праздники в честь медведя справлялись по-разному. Известно несколько основных вариантов: ежегодно, один раз в два года – в силу того, что потомство у медведя, как, впрочем, и у человека появляется один раз в два года. Ханты и манси устраивали праздники в течение семи лет ежегодно (в период с декабря по март), затем наступал семилетний перерыв.

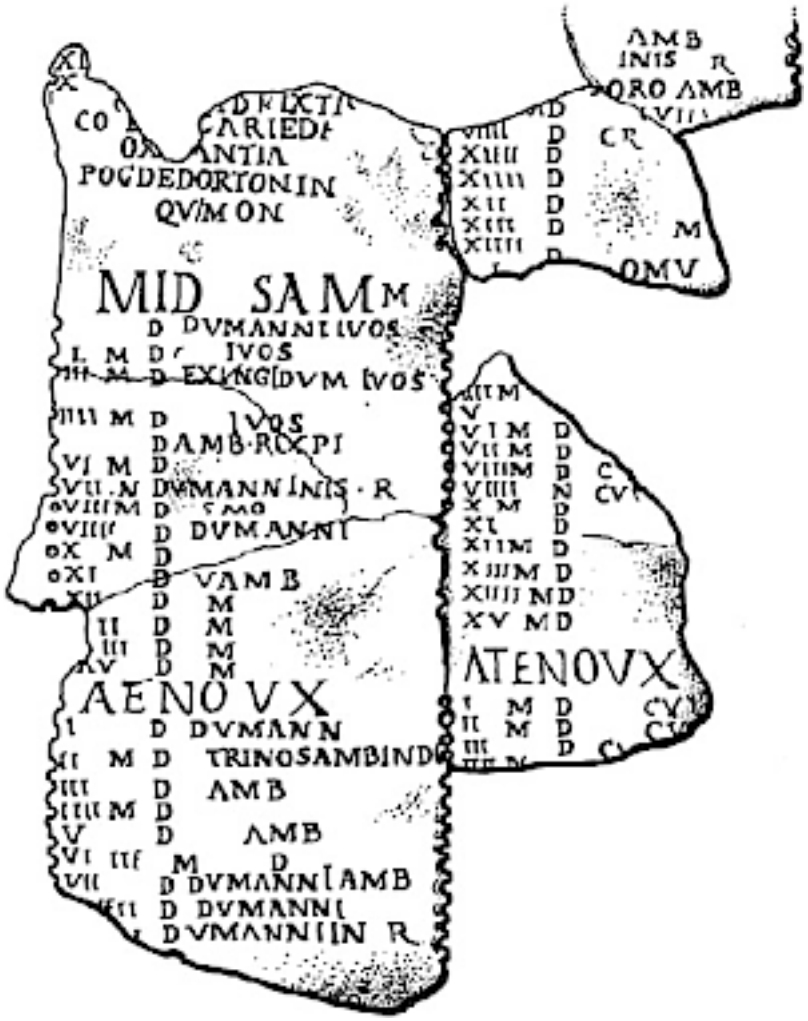
По-видимому, не будет большим преувеличением сказать, что культ медведя можно считать в реконструируемой календарной системе ключевым. То же можно сказать о культе лошади, коровы, лося–оленя, кабана–свиньи. Годовой цикл в медвежьем культе начинается в момент весеннего равноденствия (март), выход из берлоги, рождение медвежонка совпадают с началом возрождения природы. Культ лошади можно соотнести с летним солнцестоянием (июнь). Это период гона и конец отела у кобылиц. Культ лося и оленя мог совпадать с осенним равноденствием, ибо на это время приходится начало гона, спаривания, боев за самку. Но праздники в их честь могли совпадать и с датой летнего солнцестояния, так в это время у них появлялся приплод. Это проясняет связь Лося и Оленя с Солнцем, и позволяет понять причины появления разных традиций выбора времени для праздников в честь этих животных: июнь либо сентябрь.



Табличка календаря из Колиньи, начало н. э. (фрагмент)

Культ кабана у многих народов мира, как правило, совпадал с декабрем-январем: периодом гона у диких свиней и концом подсосного периода у свиней домашних. Недаром в новогодние праздники следовало готовить обрядовые блюда из молодых поросят.

При работе над реконструкцией календарной системы мы должны помнить, что животных культов у древних европейцев было куда больше, чем названо нами. Например, почитались барсук, выдра, хорек, заяц, белка и т. д.» (Гусаков, 2005).

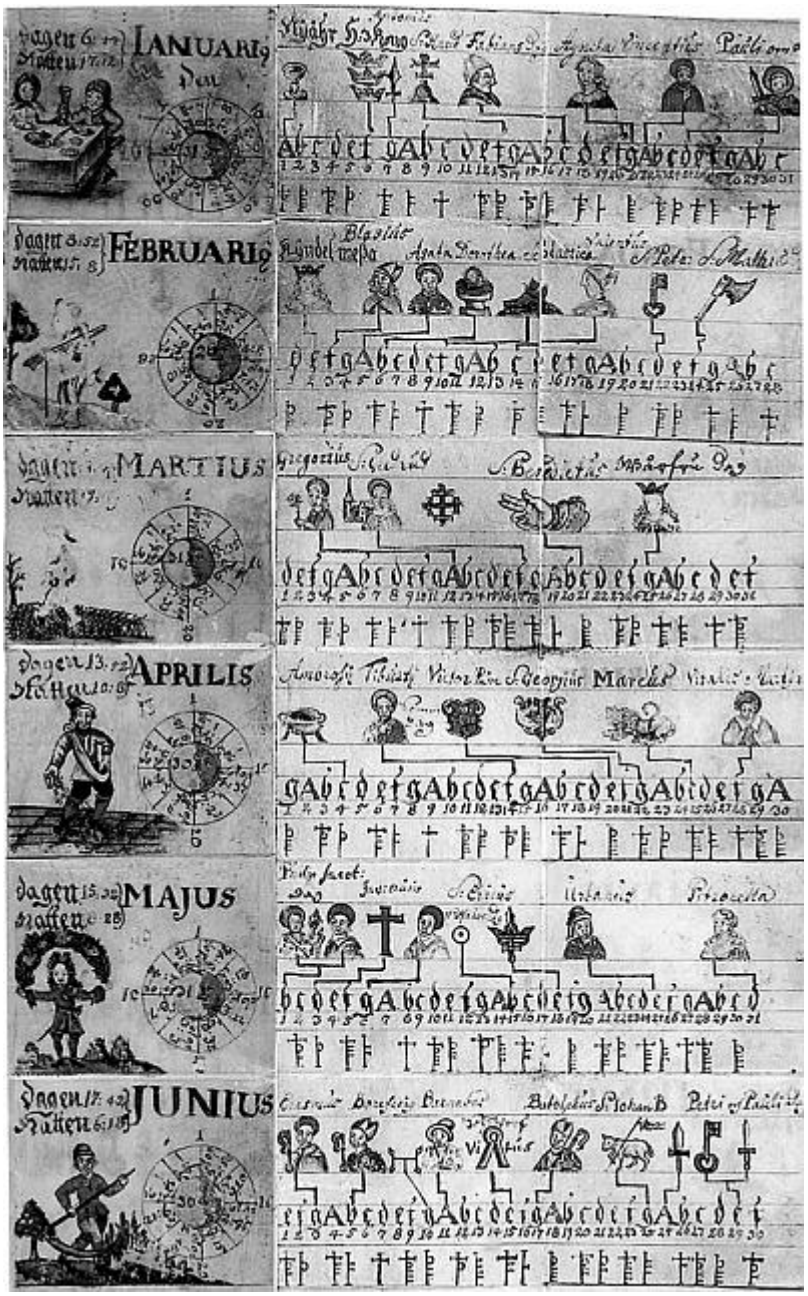


Прорисовка календаря из Колиньи, начало н. э. (фрагмент)

Годовой круг земледельцев

По мере распространения земледелия складывается новый календарь. Он стал необходим по той простой причине, что производящее хозяйство основано на иных природных ритмах. Исследователи говорят о возможности существования «растительных» календарей (по циклам жизнедеятельности растительности) или календарей, основанных на счете лет по урожаям (*Pennick, 1989, p. 16–21*). У них несколько иной отсчет начального дня при той же продолжительности года. Однако во всех случаях – и это обстоятельство нам весьма пригодится впоследствии – ключевые точки всех календарей приходятся примерно на одни и те же даты, близкие к солнцестояниям и равноденствиям. Это вполне понятно, так как столь приметные дни служат прекрасными маркерами смены времен года, от которых и зависит поведение объектов живой природы.

Несколько особняком стоят лунные календари. Естественный спутник Земли, чьи изменения прекрасно заметны наблюдателю изо дня в день, совершает за солнечный год (то есть за полный оборот Земли вокруг Солнца) тринадцать с небольшим оборотов вокруг нашей планеты. Его годовое движение не совпадает с движением Земли вокруг Солнца. Однако расхождение лунного и солнечного циклов не могли скрыть от людей прошлого того влияния, которое оказывает Луна на земные объекты – от приливов и отливов до состояния людей и развития растительности. Благо, наблюдательностью они если и отличались от нас сегодняшних, то только в лучшую сторону.



Норвежский рунический календарь 1636 г. с указанием праздников, долготы дня и ночи, хороших и неблагоприятных дней

«Луна почиталась как “хозяйка” плодородия, и ее ритму подчинялись четыре больших сезонных праздника, названия которых сохранились только в ирландском языке. Это так называемый гражданский календарь.

Как уже упоминалось, с 1 ноября кельты начинали отмечать празднование самэна (*samain*; по календарю из Колиньи – *samon, samonios*). Слово переводится как “соединение”, “объединение”. Это был праздник ночи, которая объединяла и связывала два мира: земной мир людей и потусторонний мир мертвых – сид (*sid*). В эту ночь, по поверью кельтов, можно было не только свободно общаться с обитателями потустороннего мира, но и сами умершие могли навещать живых. Это был праздник, с которого у британских кельтов начинался Новый год. Друиды в ночь самэна

сжигали на кострах дары, приносимые богам. В Ирландии еще в XIX в. в эту ночь домашний скот проводили между двумя пылавшими кострами, полагая, что этот обряд предохранит в течение всего года скот от болезней. Праздник самэн не относился ни к году прошедшему, ни к году будущему. Он следовал сразу за летом (*sam*) и рассматривался кельтами с двух сторон – мрачной и светлой.

Начало светлого времени отмечалось 1 мая, в праздник Бельтан (*Beltain*), посвященный богу Лугу, соответствовавшему римскому Меркурию, и дате крупнейших собраний друидов.

1 августа праздновался день Лугнасада (*Lugnasad* – "собрание в честь Луга", или, по другой версии, "брак Луга"). По поверью кельтов, Луг в этот день выступал как божество плодородия, раздающее свои богатства. Это праздник осени и сбора урожая. В Галлии в период римского господства его заменили на Собрание галлов (*Concilium Galliarum*) в Лионе, на котором прославлялся не бог Луг, а император.

1 февраля отмечался имбольк (*imbolc* – люстрация, очищение после зимы). Этот праздник закреплял полюсы календарного времени – начало зимы (*samain*) и лета (*beltain*). Впоследствии праздник имбольк был заменен днем святой Бригитты, а затем Святой Девы, в то время как праздник бога мертвых 1 ноября стал днем Всех святых» (Шервуд, 1993).

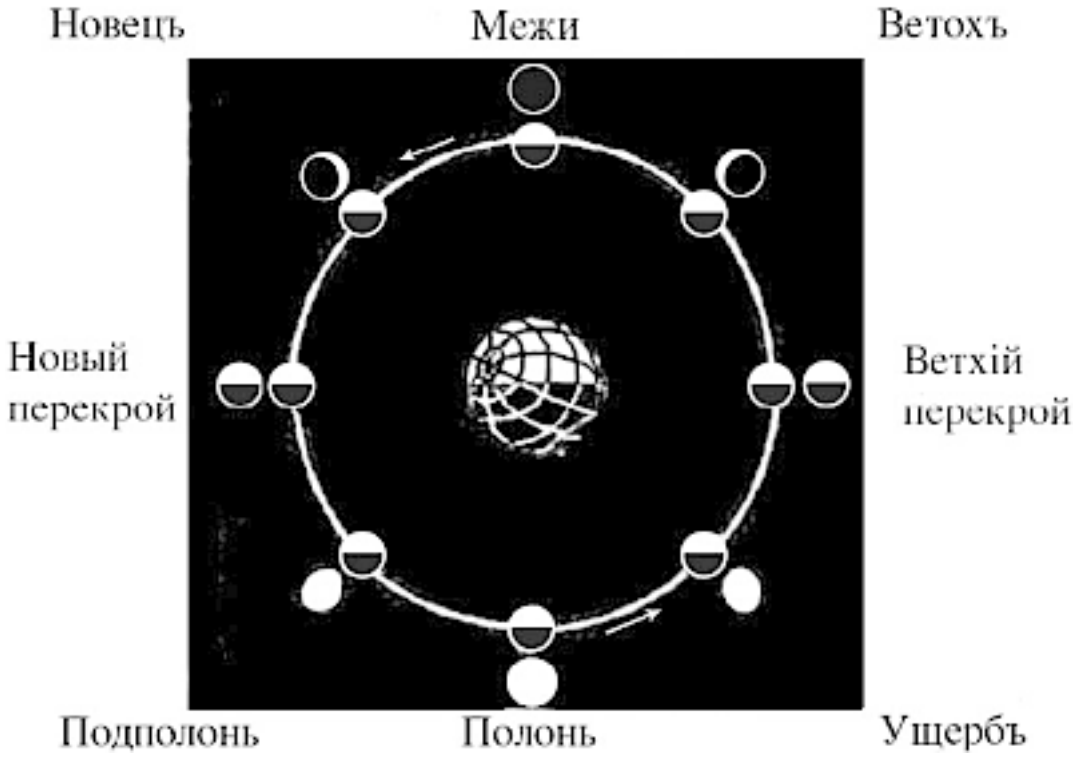
Таким образом, древнейшие системы счета в первую очередь утилитарны, обусловлены ежедневными потребностями человека. Это свойство присуще календарям всех народов Европы, как охотничьим, так и земледельческим:

«В аграрном обществе время определялось прежде всего природными ритмами. Календарь крестьянина отражал смену времен года и последовательность сельскохозяйственных сезонов. Месяцы у германцев носили названия, указывавшие на земледельческие и иные работы, которые производились в различные сроки: "месяц пара" (июнь), "месяц косьбы" (июль), "месяц посева" (сентябрь), "месяц вина" (октябрь), "месяц молотьбы" (январь), "месяц валежника" (февраль), "месяц трав" (апрель). При Карле Великом была даже предпринята попытка ввести эти названия в официальный календарь. Однако замысел оказался неудачным, так как в разных районах Германии эти названия прилагались к разным месяцам; так, "месяцем пахоты" называли где август, а где март и апрель. У скандинавов май именовали "временем сбора яиц", а также "временем, когда овец и телят запирают в загоне"; июнь – "солнечным месяцем", "временем перехода в летние хижины" (то есть выгона скота на луга), октябрь – "месяцем убоя скота" (это название в шведском языке сохранилось до сих пор), декабрь – "месяцем баранов" или "месяцем случки скота". Лето называли временем "между плугом и скирдованием"» (Гуревич, 1999).

Рунические календари на старинной западноевропейской гравюре

Календарь и мифологическое сознание

Искусство счета времени и определения праздничных дней восходит ко временам древнего каменного века. Таким образом, потребность вычисления сроков и годовых изменений существовала еще на заре человеческой истории. К энеолиту (ранний бронзовый век) восходят хорошо известные мегалитические сооружения, которые, как было убедительно показано А. Томом, Дж. Хокинсом и др., служили в том числе и цели календарных расчетов. В лесной полосе Европы (в том числе и на территории современной России) начиная с раннего железного века этой же цели служили, как можно предполагать, городища-святилища, которые представляли собой достаточно сложные с точки зрения возможностей сооружения.. Прослеживается преемственность в обустройстве и характере использования таких городищ славянами (Гусаков, 2005, 2006).



Древнеславянские названия отдельных фаз Луны (по Н. И. Моисеевой, 1991)

«Уже задолго до принятия христианства приднепровские славяне выработали свою собственную систему счета времени, названия месяцев, дней недели. В основе этого счета, как и у других народов, лежала ритмичная смена фаз Луны. По тому, как древние летописцы описывали солнечные затмения, как они сравнивали видимый серп Солнца с видом Луны в конкретный день после новолуния, можно сделать вывод, что смены фаз Луны фиксировались на Руси весьма тщательно.

О большом внимании, уделявшемся наблюдениям Луны, свидетельствует и наличие древних названий лунных фаз: новолуние называлось “межи”, молодой серп – “новец”, первая четверть – “новый перекрой”, фаза около 10 дней – “подполонь”, полнолуние – “полонь”, фаза

около 17 дней – “ущерб”, последняя четверть – “ветхий перекрой”, старый серп – “ветох”» (http://ru.philosophy.kiev.ua/library/misc/calend/index.html).

Традиционный славянский календарь – в охотничьих обычаях и (прежде всего!) в земледельческой составляющей – опирается на древнейшую языческую модель мира и на объяснение причин его появления, в которой мир предстает организованным через систему двоичных противопоставлений. Они-то и лежат в основе связанных с календарем обрядовых песенных текстов, пословиц, поговорок, примет и т. д.

> «Заботы шамана о продолжении жизни отнюдь не замыкались на действиях, связанных с проблемами воспроизводства своего рода-племени. В равной мере они распространялись на неизбывность окружающего живого мира. У большинства сибирских народов этнографически отмечены календарные камлания, во время которых шаман в интересах всего родового или родоплеменного коллектива отправлялся в небесные сферы для добывания душ разных животных. В этих камланиях наряду с шаманом нередко участвовали все присутствующие. Эвенки, например, собравшись на такое камлание, подпевали шаману в положенных местах, участвовали в сценах шаманской охоты и пр.. Подобное «соучастие» имело место и у других народов – видимо, с древнейших пор» (Косарев, 2003, с. 288).

Шли века, был долгий период двоеверия, сменилась «официальная» религия, но суть годового круга оставалась прежней: под новыми именами упорно скрывались древние праздники и неистребимые древние боги. Они и не могли умереть, поскольку в значительной степени были не чем иным, как олицетворением природных сил, ритмов, процессов, управляющих и направляющих жизнь людей, а одновременно – управляемых и направляемых их волей.

В дошедшем до наших дней обычае праздновать ключевые дни года внимательному наблюдателю вполне могут открыться не только их сельскохозяйственное или охотничье содержание, но также древнейшие мифологемы и основания мировоззрения.

Для человека с мифологическим сознанием весь мир (точнее, все «нижние», «средние», «верхние» миры) предстает в неразрывном единстве, а потому бессмысленно пытаться истолковать предания как отражения только того или только этого явления, события, представления.

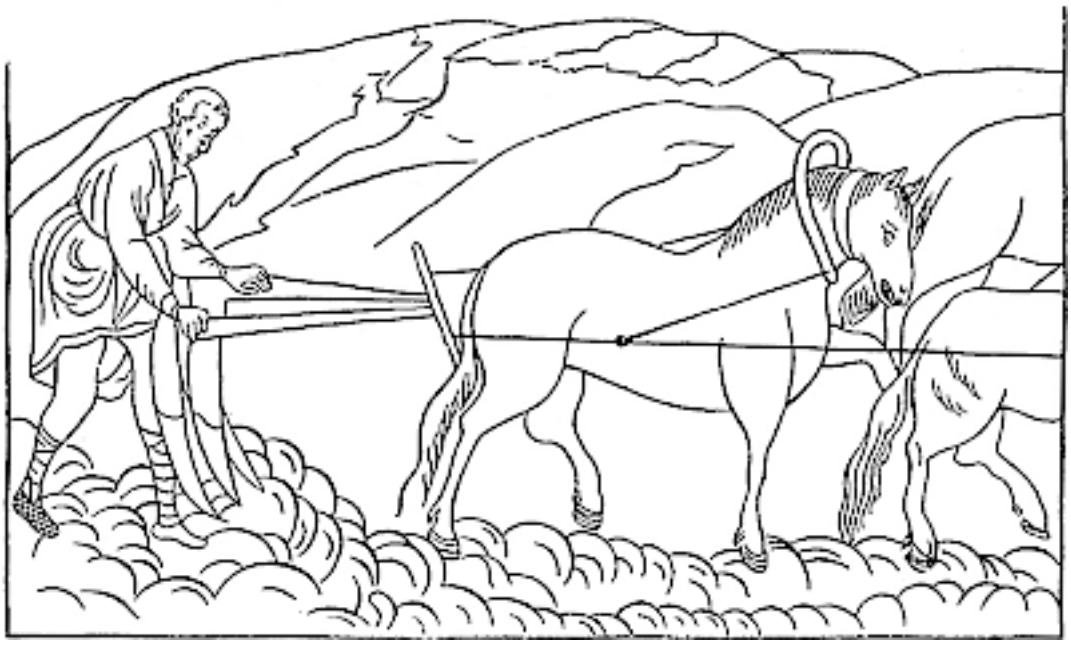
Л. Н. Гумилев писал о народах Севера:

> «Отсчет времени был для них непонятен, и происходило это не от отсутствия памяти. Время изготовления вещи и ее отношения к событиям жизни было весьма четкое. Они игнорировали время как таковое, как абстракцию. <…> Люди считают время так, как им нужно, и не применяют иные системы счета не потому, что не умеют, а потому, что не видят практического смысла».

Собственно, можно сказать это и о древних славянах. Мир един, он не может быть разделен на части – следовательно, понимание одного и того же предания происходит на разных уровнях. В том числе единомоментно, параллельно. Оно описывает нечто не как «или – или», но как «и – и».

Скажем, летний солнцеворот одновременно является и «точкой поворота годового пути Солнца на зиму», и днем свадьбы Неба и Земли, и временем, когда небесный свет в наибольшей степени силен, побеждает зимнюю (ночную) тьму… С точки зрения мифологического сознания бессмысленно искать одно-единственное понимание календарного события.

Рассматривая народную обрядность и вычленяя древнейшие ее черты, исследователь, в зависимости от своих предпочтений, может придти к самым разным выводам и при этом оказаться прав. Миф, будучи, по меткому выражению А. Ф. Лосева, есть не вымысел, «но символ» и, как таковой, он может оказаться применим к разным системам отсчета и описания действительности. И астральные культы, и образы животных-покровителей (родоначальников), и орнаментальные композиции, и сказочные сюжеты действительно опираются на одни и те же мировоззренческие основы. Нелепица возникает из-за их бездумного смешения, профанического по сути и оккультного по внешним проявлениям, которое ныне так часто встречаем мы в кругах тех, кто мнит себя традиционалистами. Самое удивительное, что и физические реалии окружающего нас мира могут оказаться «вписанными» в этот ряд образов (см., напр., Ермаков, 2005).



Сцена пашни (миниатюра из Жития Сергия Радонежского, XV век) (по: «История культуры Древней Руси», т. I, 1951)

Мы действительно можем обнаружить при изучении народного календаря не только и не столько вековой опыт наблюдений за погодой. Отголоски представлений о возникновении Вселенной, ее развитии, появлении человека, взаимоотношениях между богами и стихиями, а также – одновременно! – а также опытное и интуитивное постижений взаимосвязей между животным и растительным миром, о поведении и развитии всего сущего – это и есть традиционный календарь. В нем переплетены и великие тайны, и повседневность – вполне прикладная, обыденная, то, что способствует выживанию человека.

Славянский языческий месяцеслов

Все сказанное о календаря в полной мере справедливо и для календаря восточных славян:

> «В январе подрубают, секут деревья. Отсюда название месяца – сечень (*січень*, *styszen*). В следующем месяце они начинают сохнуть на корню. Этот месяц называется сухим (февраль). Затем проходит год, сухостой рубят и сжигают на корню, и деревья превращаются в золу. Этот месяц, соответствующий марту, носил название березозол (бржезень, березень). Затем идут: кветень (апрель), травень (май), когда травой покрываются луга и поля и наступает время цветения; червень, или червец (июнь), липень (июль), когда цветут липы и рои диких пчел усиленно собирают мед, добываемый в бортях; серпень (польск. *sierpen*), или жнивень (август), – начало уборки урожая, когда основным орудием становится серп; вресень (польск. *wrzesien*, то есть сентябрь), когда начинают молотить (от врещи – молотить); наконец жовтень – время, когда в золото одеваются лиственные леса; листопад (ноябрь) и грудень, студень, или снежань (декабрь), когда замерзшая земля превращается в грудки (комья) и ровной пеленой ложится снег.
>
> Совершенно очевидно, что земледелие у древних славян было подсечным и возникло оно не в степях, а в лесной и лесостепной полосе.
>
> Областью славянского земледелия, даже если учесть некоторую передвижку названий месяцев (листопад – октябрь и ноябрь, сечень – январь и февраль, просинец – месяц, когда колют свиней, прося – декабрь и январь), в весьма отдаленную от нас эпоху были не юг и не север Европы, а именно центральная лесная и лесостепная полоса, где в апреле буйно зеленеют луга, поля и нивы, где липа цветет в июле, где в августе убирают созревший хлеб, в сентябре молотят, в октябре желтеет листва, в ноябре падает лист и оголяются деревья, в декабре смерзается земля, еще не везде покрытая снегом, в январе начинаются трескучие морозы (отсюда чешское ледень) и звенят под ударами топора лесные исполины, в феврале еще лютуют морозы (украинское лютый, польское *luty*, то есть холодный), а в марте готовят под пашню выжженный лес, где едва ли не преобладающим деревом была береза (березозол, бржезень, березень). Это не дремучие хвойные леса далекого Севера, не южная степь, а область смешанных и лиственных лесов, тянущихся в центральной полосе Восточной и Средней Европы. Славянский земледельческий календарь, соответствующий чередованию различных сельскохозяйственных работ, – явление очень древнего порядка» (В. В. Мавродин, Охота в Древней Руси).

Приносим извинения за обильное цитирование, но оно необходимо, чтобы лишний раз подчеркнуть мнения ученых о якобы примитивном уровне развития духовной культуры наших древних предков, якобы (как ныне нередко говорят) не знавших счета времени и живших в дикости. Кстати, как реакция на это уничижение, видимо, появляется и ни на чем не основанное возвеличивание…

Таким образом, наука уверенно показывает на наличие достаточно древней двенадцатимесячной календарной системы и у славянских народов.

> «По нашей оценке, лунно-солнечный календарь не только не был вытеснен на Руси календарем юлианским, но на протяжении X–XIV вв. бесспорно преобладал над ним в быту и сосуществовал на равных в летописях. Вывод этот стал возможным благодаря тому, что автор данной статьи в отличие от своих предшественников систематично использовал компьютерные астрономические программы <…> в практике исторического исследования, сопоставляя данные об истинных лунациях с летописным материалом» (Журавель, 2002, с. 210).

Забегая несколько вперед, обратим внимание на существенное обстоятельство. Кельтские и германские народы вели счет времени (в том числе и суток) не с утра или полуночи, как это принято сегодня, а с кануна, с вечера. Счет такой, надо думать, был присущ европейцам (индоевропейцам?) вообще. Подобное мы можем проследить даже в достаточно поздней русской фольклорной традиции, когда праздничные запреты начинали действовать, а обряды совершались не в сам праздник, а в предшествующий ему вечер (ночь). В качестве примера можно вспомнить всем известный Сочельник (Ночь перед Рождеством).

В общем и целом ход времени оказывался тесно связан с образом Мироздания в целом, ибо получал мифологическое объяснение через его устройство и, напротив, Вселенная постигалась через особенности календаря. Календарь, надо думать, выступал воплощением Вселенского закона. Роль и значение рот*ы* показал М. Л. Серяков (2005). Такой закон не мог не связываться с суточным и годовым движением светил, а отсюда рукой подать до связи с ним и календаря.

При этом необходимо отметить, что в языческой обрядности сосуществовали и порою взаимно накладывались различные календари – охотничьи и сельскохозяйственные, мужские и женские, объясненные через миф и веру, суеверия и бытовые приметы.

Народные приметы и годовой круг

> «Ряд народных примет связан с предсказанием фенологических явлений, даже на весьма отдаленный срок, с предписаниями по ведению агротехнических мероприятий. Мифологическое сознание связывает обычно смысловое содержание примет не с порядковым номером дня недели или месяца, а с “культовой фигурой” – именами святых и др. сакральных персонажей, с определенными событиями мифологем их бытия» (Быков, 2006, с. 89).

Значит ли это, что народные месяцесловы, которые чаще всего представляют собою подборку примет на каждый день и случай и есть те самые изначальные календари? Едва ли. Во всяком случае, нам подобное представление кажется не слишком-то верным. Приметы, поверья, суеверия есть, скорее, *нечто, сопутствующее* календарю. Приложив определенные усилия, наверное, удастся выделить те из них, что восходят не только к погоде, а к собственно чудом сохранившейся древней памяти о праздниках и соответствующих обычаях и богах. Особенно это должно касаться, надо думать, примет гадательного свойства. Но такие разыскания не являются нашей целью. Приметы локальны, имеют местный характер, и нелепо распространять погодную или окказиональную примету, бытующую в Вологодской, скажем, области, на юг русского Черноземья. Более того. Сегодняшние перемены климата, очевидцами которых мы так или иначе являемся (вне зависимости от их причин.

В любом случае следует заметить, что основу народного календаря, как бы его ни называли, составляют отнюдь не приметы, но годовой круг праздников, то есть ключевые точки положения Земли относительно Солнца, сопряженные с ключевыми точками движения Луны относительно Земли.

Поэтому, если мы говорим о праздниках изначальной Традиции, о праздниках народных, ведущих свою историю с незапамятных времен, то привычное нам понимание их как «нерабочих (выходных) дней» вовсе даже неуместно.

Что такое праздник?

Обычай выделяет периоды, когда граница между миром людей и иными мирами становится тонкой и легко преодолимой. Именно эти дни стали отмечаться как праздники. С одной стороны, они знаменовали конец одного цикла и начало следующего, с другой – были особенными с той точки зрения, что в это время было возможно многое, если не все.

Праздник – противоположность будням. Сегодня под ним понимают день, отмечаемый в честь какого-либо события, или значимую точку годового круга.

Происхождение слова «будни» (которое прослеживается в русских источниках лишь с XVIII века) пока до конца непонятно. Со значением слова «праздник» и, видимо, более древнего «свято» все несколько проще.

Собственно слово «праздник» родственно словам «порожний», «пороздьнъ» (с тем же значением), старославянское **porzdъ* от **pors-do-*, чему имеются связи среди слов со значением «бежать», «удалять» (Фасмер, Срезневский). Иначе говоря, праздник – время, как бы вычеркнутое из повседневности. А вот слово «свято» ныне менее распространено в русском и украинском, нежели в белорусском и ряде западнославянских языков. Праславянская основа **svętъ* восходит к понятиям «святость», «процветание» (др.-инд. вед. *śvântбs* – «процветающий»), то есть указывает по сути на цели устроения праздника.

Надо полагать, появление праздников есть следствие представления о неоднородности времени. Главное отличие праздника от будней, обыденности в том, что время мирское, человеческое замещается в такие дни «временем Богов». Даже если мы останемся на вульгарно-материалистических позициях и будем считать, что люди древности в прошлом только и занимались, что подлизывались к богам в слепом и суеверном дикарском страхе за урожай и жизнь, все равно нам придется задуматься: почему именно в эти дни?

Да, в общем-то, потому, что, согласно традиционному миропониманию, в праздники граница между мирами истончается и даже – не исключено! – рвется (см., например, Элиаде, 2000). Поэтому все такие дни прежде всего таят опасность и уже потому служат поводами для гульбы и веселого застолья дабы отвести беду «антидействием».

Запреты вступают в силу еще накануне, сразу после захода Солнца (надо думать, это отсылка к архаическому обычаю начинать счет суток с вечера). Нарушение запретов, как принято считать, влечет за собой тяжелые последствия – для нарушителя, его рода и даже мироздания в целом. В образном виде такие последствия представлены, например, в волшебных русских сказках. Сербы полагают, что пренебрежение Русалиями грозит разливом реки и наводнением, а полещуки (жители Белорусского Полесья) считают, что в семьях нарушителей запретов рождаются калеки.

> «Праздником первобытный человек считал особую ситуацию превращения небытия в бытие. Во время праздника космос возвращается к первичной стадии своего существования – к хаосу. Гармонизировать хаос может особый ритуал, совершаемый в праздник. Воссоздание мира для человека того времени означало сакрализацию всего, так как для него реально было лишь то, что сакрализовано, то есть составляло часть космоса и было причастно к нему <…>. Суть обряда составляло произнесение определенного – космогонического – текста, который повествовал о постепенном творении космоса из хаоса. Такими ритуальными текстами были и древние календарные песни. В них также говорилось об этапах творения мира, а иногда давался символ модели уже создавшегося мира, чаще всего мировое дерево…» – со ссылкой на Н. Лауринкене писал

> Н. Велюс в работе «Древние смысловые пласты литовских святочных песен» (Велюс, 1997, с. 335).

Например, в древних литовских рождественских обрядах упоминается обычай волочения колоды по дворам под звуки табалая – ударного музыкального инструмента, представляющего собой несколько подвешенных дощечек, издающих звуки разной высоты. Затем колоду сжигали. Женщины показывали мужчинам тут же вырезанную из дерева куклу, которую мужчины пытались у женщин отобрать. Но те куклу не давали и прятали ее, так, чтобы никто не нашел. В этом, несомненно, есть что-то общее с южнославянским обычаем сжигать Бадняка. Бадняк – большой пень, который южные славяне жгут всю ночь перед Рождеством, либо дубовое полено или ствол другого дерева. Во время мистерий сочельника, который сербы и хорваты так и называют – День Бадняка, ствол этот срубали, переносили в жилище, умащивали вином, медом, молоком, посыпали зерном, а потом сжигали, прославляя Бога-сына. Аналогичный обычай сжигания наблюдается также у романских и германских народов Европы (Там же, с. 336–337).

Ряд авторов связывает обычай сжигания «Бадняка» с естественным желанием уничтожить силы, угрожающие мировому порядку. По их мнению (в первую очередь следует вспомнить В. Н. Топорова) полено ассоциировалось с хтоническим первосуществом, которое погребали в огне. Это был осмеиваемый персонаж с ярко выраженными эротическими чертами.

Архаичные тексты, которые пели или читали во время зимних новогодних ритуалов, служили для превозмогания ранее непреодоленных проблем бытия, налаживания гармоничных отношений среди исполнителей действия. Литовские источники дают нам примеры песен-диалогов, в которых загадываются загадки об устройстве Мироздания.

По магическим представлениям каким-либо образом изобразить символ мира (спеть, показать в танце, зарисовать, рассказать) означало по сути сотворить его заново. То есть в ритуале создание мира заменяется изображением его символа. Так, мощение дорожки или моста можно рассматривать как взращивание Мирового Древа или прокладку душам (или божествам?), коню Свентовита или Таусеню пути (Млечного?)…

Время воздействует на человека, наказывая или поощряя, но и человек способен влиять на ход времени. Священного времени. «О том, что, по древнескандинавским верованиям, можно оказать воздействие на время, свидетельствует рассказ Снорри о конунге Ауне, который продлевал себе жизнь, принося в жертву Одину своих сыновей; каждая жертва давала ему десять дополнительных лет жизни. Богиня Идунн хранила в сосуде яблоко, и когда асы старели, они откусывали от него кусок и тотчас же молодели, “и так будет до конца света”» (Гуревич, 1999). Мир един, все составные его части в равной мере важны для его устойчивости. Человек – не исключение.

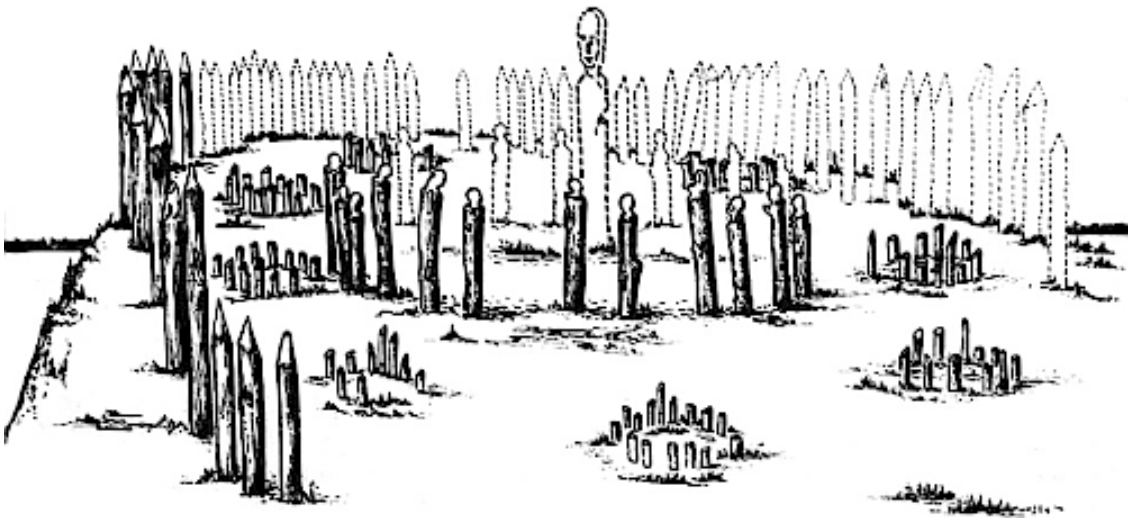
Какие бывают праздники

Русское народное мировосприятие XIX–XX вв. имело представление как о «светлых, благих», так и о «страшных, вредных» праздниках. Страшными праздники называли по той причине, что в такие дни из иного мира приходили духи, в первую очередь, души усопших предков и во избежание причинения ими какого-либо вреда живущим следовало соблюдать множество обрядовых запретов. Надо думать, подобное понимание очень и очень древнее. Вообще праздники отличаются от будней во многом именно тем, что в такие дни действует куда большее количество ритуальных запретов и ограничений, нежели в дни простые.

Раз календарь, годовой круг, являет собою чередование особых дней, когда в мир людей, образно говоря, властно врывается отголоском божественной реальности «невремя», или «Время Богов», с обыденностью, естествен вопрос: что лежит в основе такого чередования?

Общий ответ очевиден и был приведен выше: с астрономической точки зрения это – положение Земли относительно Солнца, от которого зависит мера освещенности и количество тепла в наших широтах. Вторым следствием такого положения являются «ключевые» точки года – солнцестояния и равноденствия. Они издревле почитаются всеми народами северного полушария.

Однако их недостаточно. Эти дни знаменуют собою дни переломные, которые приходятся примерно на середину каждого времени года.



Возможный вид дославянского и раннеславянского городища-святилища, используемого в качестве обсерватории (реконструкция М. Г. Гусакова, 2006)

Еще четыре знаковых даты выпадают на дни, примерно равноудаленные от дней солнцестояний и равноденствий. После них «проявления» зимы, весны, лета и осени как бы слабеют и постепенно сходят «на нет». Сейчас чаще всего принято отмечать такие дни в точные сроки, однако обычай свидетельствует о том, что это, скорее, нововведение (относительное, конечно).

Но в жизни земледельца и охотника прошлого Солнце, положение которого в небе служило своего рода маркером, не могло быть единственной опорой в счете времени. Упомянутая нами ранее связь фаз Луны с состоянием человека, поведением животных, ростом посевов, приливами и отливами не могла не повлечь за собой внимание к ее изменениям. Высказывалось также и еще одно любопытное мнение о том, что для первобытного обще-

ства Луна была даже более важна, чем Солнце – вспомните древние календари! Изменения положения Луны и ее внешнего облика куда более заметны. Что немаловажно, ночное светило могло как помочь, так и помешать успешной охоте на животных, выходящих из убежищ преимущественно ночью. А именно охота была основным источником пищи для человека каменного века.

Надо думать, именно к тем безмерно далеким порам относится зарождение представлений о взаимной связи солнечного и лунного циклов с датами праздников и понятия «сильного» и «слабого» праздника. Где они сложились впервые, неизвестно, но археоастрономия довольно уверенно показывает нам важность расчетов движения в том числе Луны по небосводу по меньшей мере с эпохи энеолита (Гусаков, 2006). Поскольку можно думать, что подобного рода знание относилось к священным, умение вычислять верный день, скорее всего, доверяли лишь специально обученным жрецам.

> «…Лунарный цикл не только определяет короткие отрезки времени (недели, месяцы), но также служит архетипом для длительных сроков; в самом деле, “рождение” человечества, его взрастание, его одряхление (его “изношенность”) и его исчезновение уподобляются лунарному циклу. И это уподобление важно не только потому, что оно выявляет для нас “лунарную” структуру всеобщего становления, но также и своими оптимистическими последствиями: ибо все, как и луна, никогда не исчезает навсегда, потому что за одной луной всегда непременно следует другая, а значит, и исчезновение человека, даже всего человечества (потоп, наводнение, исчезновение целого континента и т. д.) не обладает необратимостью, ибо от пары выживших особей родится новое человечество» (Элиаде, 2000). В соответствии с обычаем можно также выделить праздники мужские и женские, красные и зеленые (и не только), молодые и старые, мертвые и веселые и т. п.

Поскольку солнечный и лунный циклы не совпадают, существуют как бы два связанных друг с другом, но все же отдельных счета времени – по Солнцу и по Луне. Первый определяет собственно ключевые дни года, то есть четыре главных праздника. Второй «управляет» больше хозяйственно-бытовой деятельностью людей и тесно связан с почитанием предков, которые, по языческим представлениям, восходят к богам, сами становятся богами и способны при правильной заботе об их душах оказывать всемерное содействие живущим в Срединном Мире потомкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.